

An impressionistic painting of a bear in a forest. The bear is the central focus, rendered in dark, rich brown and reddish tones. It is surrounded by a dense thicket of trees and foliage, with colors ranging from vibrant greens and yellows to deep blues and purples. The brushwork is thick and textured, creating a sense of movement and light. The overall composition is dynamic and somewhat abstract, typical of the Impressionist style.

Игорь Левин

Розомешућа
Чућа

Роман

Игорь Левин

Разомкнутая черта. Роман

«Издательские решения»

Левин И.

Разомкнутая черта. Роман / И. Левин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-932572-3

Роман освещает болезненную и трагическую для современного общества тему суицида. В тексте переплетаются философские раздумья и личные переживания, документальные материалы и образы сновидений, мифологические и религиозные сюжеты. Задумываясь над вопросом: «...стоит или не стоит жизнь того, чтобы её прожить...» (А. Камю), автор мысленно размыкает «черту» между правдой и вымыслом, жизнью и смертью, сном и реальностью, усматривая национальную идею консолидации общества в противостоянии суицидам.

ISBN 978-5-44-932572-3

© Левин И.
© Издательские решения

Содержание

От автора	6
Прощальное письмо. На улице пахнет мёдом...	7
I	10
II	25
III	30
Сон. Она прошла, меня не замечая...	34
IV	37
Сон. Голос заключённого	43
V	46
Сон. Ира и демон	58
VI	62
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Разомкнутая черта Роман

Игорь Левин

Дизайнер обложки Игорь Левин

© Игорь Левин, 2018

© Игорь Левин, дизайн обложки, 2018

ISBN 978-5-4493-2572-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ИГОРЬ ЛЕВИН

РАЗОМКНУТАЯ

ЧЕРТА

**ТЕМ, КОГО ЛЮБЛЮ
И ЛЮБИЛ,
ПОСВЯЩАЕТСЯ**

От автора

Мой роман был написан и впервые опубликован в 2014 г. в издательстве «Bookvika». Он представлен в настоящем издании в новой редакции, с незначительными изменениями и дополнениями. Я счёл необходимым выставить в наготу реалий и сопроводить критическими комментариями главного героя все посты потенциальных самоубийц в интернет-группах соответствующей тематики («Суицид: за и против», «Суицид как смысл жизни», «Суицид (самоубийство)», «Поговорим о суициде» и др.), которые на тот момент ещё не были заблокированы. Выдуманным был только пост его коллеги, одного из персонажей этой книги. Впереди – в 2015—2017 гг. были раскрутки групп смерти, размещавших различные шок-контенты, погоня за «синими китами», уголовное преследование Будейкина (известного под ником «Лис») и других провокаторов самоуничтожения людей. Я не знал многих связанных с их деятельностью фактов, но, как показывают реальные записи, флешмобы самоубийств стихийно собирались намного раньше. И творческая интуиция меня не подвела. Сценарии, развёрнутые в реальной жизни, зачастую оказываются страшнее самых смелых фантазий и футурологических прогнозов. Однако я не фиксировался на этом. Дорабатывая текст, я позволил себе только вставить несколько абзацев о Серёже Ш., прототипом которого стал один из моих лучших студентов, вступивший в самостоятельную жизнь и погибший в 2017 г., увлёкшись псевдопсихологическими онлайн-тренингами.

В книге я не сглаживал следы дерзновенного поиска. Смог ли я отыскать исчерпывающий ответ на высший вопрос экзистенциальной философии, как его определил А. Камю: «Решить, стоит или не стоит жизнь того, чтобы её прожить...», когда конструировал сложный проект из конгломерата придуманных мной миров, каверз смысловых комбинаций, потоков провидческих озарений и роковых вех своего жизненного пути? Да и как можно быть уверенным в окончательном ответе, если жизнь ещё не закончена, и она, подобно древнему сфинксу, продолжает создавать новые загадки? После первой публикации романа в моей жизни происходили судьбоносные изменения: череда смертей и тяжёлых болезней близких родственников, бракосочетание и скорый развод с любимой женой. И всё же, не зная, что будет на следующих событийных страницах, едва ли могу сказать, к какому выводу и итогу приду, завершив свой жизненный путь по тропе времени. Я только знаю, что мне надо пройти его целиком до того, как эта черта разомкнётся...

*«Рождение – не начало;
смерть – не конец».*

Чжуан-цзы

*«В страхе и опасности мы более всего склонны верить в чудеса,
и их безнаказанно изобретают»*

М.-Т. Цицерон

Прощальное письмо. На улице пахнет мёдом...

На улице пахнет мёдом... Приятный сладковатый запах весенней свежести ощущается в тесноте густых аллей. Он легко проникает в тончайшие воздушные слои, вибрируя в атмосфере. Кажется, что дышит, впитывая благоуханный аромат, каждая клетка пространства. Воздух мечтательно трепещет, источая пурпурно-розовые флюиды, окаймляющие силуэты деревьев. Пуницовый отблеск заката тревожит бредящую в неумолкающем шелесте и лоснящуюся в испаринах свежую зелень. Цветёт, цветёт черёмуха... Дурманит, околдовывает, притягивает мягкостью округлых листьев, щекочет взгляд нежно-зелёными и кремовыми переливами, зазывает белёсыми огоньками мелких цветочков, собранных в пышные гроздья, влечёт в круговерть природных экстазов. Волшебная картина, не правда ли? И столь же лживая – слащаво-лживая, губительно-лживая!

А что будет после того, как вдохнёте всей грудью очищенный от дымного смрада воздух? Лишь только выйдете на проспект, автомобильная копоть, которую как будто не замечали в чреде задымлённых городских кварталов, обдаст тленом бензиновых шлаков, вопрётся в ноздри, спирая дыхание. А потом станет ужасно противно от едкой вони сигарет, которыми беспардонно обкурили вас две вульгарного вида сопливые девчонки да пухлощёкий мужик в мутно-серой, исполосованной под ёлочку безрукавке, с хриплым рычанием и сопением харкающий на асфальт. Перегаром с примесью запаха гнилой картошки будет разить от колченого ковыляющего старика, гордо выпялившего обрюзгшую образину. Комом застрянет в горле тошнотворная смесь токсичных газов, ядовитых смол и раздражающихся экскрементов из люка испорченной канализации. А кто-то хотел вечного праздника весны... Реальная жизнь – это злобная пародия на беспечные мечты.

Вы думали, что были счастливы, а на самом деле вас водили за нос те, кто привык создавать иллюзию счастья. Весёлая, по-детски кокетливая, романтическая девушка с золотисто-рыжими волосами (такой ласковый и игривый ребёнок восемнадцати лет!), несдержанно жонглирующая пазлами словесных экспромтов, очаровывающая экспрессивными картинками рваной ткани воспоминаний, мистическими переживаниями пёстрых сновидений, казавшаяся воплощением женского обаяния, открытости и искренности свободно изливающихся чувств и мыслей, вдруг переключится с перезвона комплиментов и задорных рассказов на каверзную колкость язвящих слов, окажется банальной шлюшкой, которая тешит себя новыми поклонниками, а для их привлечения использует стандартный набор приёмчиков лёгкого пикапа. Впрочем, не так, или не совсем так. Лгу, наверно, я от злобы или от обиды... Просто она находит на время (а хотелось бы надолго) тех, кто ей нужен. Но, усомнившись, что с ней именно тот человек, попользовавшись его душевным теплом, а заодно и кошельком, с лёгкостью бросает.

А вы хотели любить и быть любимым... Как трогательно! А когда над вашей любовью изуверски надругаются, неожиданно становится очевидной самая мерзкая и ужасная сторона вещей. Вы и раньше подозревали, предчувствовали, что не всё так просто и однозначно, иногда замечали, как ростки женского вероломства и хитрости пробивались открыто, нагло, ничего не стесняясь; только закрывали глаза и затыкали уши там, где надо смотреть в оба и держать ухо востро. Но почему-то после подтверждения своих опасений чувствуете себя обманутым, незаслуженно оскорблённым. Очнитесь! Ложь, притворство и попытка скрыть изнанку вещей – самая суть жизни.

Мне невыносимо больно. Знакомо ли вам чувство, когда от отчаяния и постоянного напряжения будоражит тело, и его начинает распирать пульсирующее тепло, которое колотит сердце, перемещается от ключиц к гортани, пробивает виски, нездоровым румянцем расцвечивает щёки, закладывает уши, нервно кривит абрис губ и корёжит складки лба? Это чув-

ство невозможности вернуть что-то очень дорогое, внезапно потерянное, чувство осознания ужаса настоящего момента и одновременно – страха перед будущим, ещё более мрачным, беспощадным и ограниченным (да, ограниченным!), где остро отразились самые скверные жизненные сценарии, наложенные поперёк на чистые и возвышенные мечты. Страх опустошения, страх безысходности... Вроде всё понимаешь, осмысливаешь новую ситуацию как расстановку фигур на шахматной доске, а изменить ничего не можешь – ничего... совсем ничего!

Наконец-то я, не сковывая себя словесными штампами, почти дерзко заговорил о границе. О какой – поясню подробнее. Я хочу разглядеть просвет в напластовании событий, хочу понять, почему механизм судьбы злорадно пародирует все мои мечты. Я стучусь, барабаню в наглухо закрытую дверь. Ригель жёстко вошёл в запорную планку. За дверью, возможно, – счастье. Но дом пуст, а счастье никому не принадлежит. Ему вполне комфортно оставаться изящной хрустальной иллюзией в пространстве мыслей, нежели столкнуться с уродливой машиной реальности, разламывающей мерцающие грани и размалывающей даже мелкую стеклянную крупку. Оно ни для кого – запертое, вытесненное в необжитое пространство и непрожитое время. Это счастье, быть может, было предназначено для меня, но я не в силах ни открыть этой двери, ни сдвинуть, ни взломать, ни даже слегка расшатать литое дверное полотно. Я не понимаю, как мне жить, для чего жить и возможно ли жить.

У каждого в этой жизни своя забава: одни упиваются хитами модной рок-группы, другие находят интерес в чтении детективных романов, третьи – в мозгоклюйстве и соблазнении партнёров, четвёртые – в смене мебели, шмоток и причёсок, пятые – в выговоре нравоучительных нотаций, шестые целые дни висают в социальных сетях или резвятся в компьютерных играх, седьмые накачивают до бронзового блеска мышцы, восьмые любят путешествовать и предпочитают экстрим, девятые обожают модные тусовки, десятые тешат себя азартными развлечениями и дешёвыми приколами и т.д., и т.п. Также много любителей менять социальные роли и маскироваться под порядочных людей. Немало и тех, кто считает, что в жизни надо непременно всё попробовать, поэтому тупо глотают горькую, колются, курят травку, пыжуют, ищут сексуального разнообразия – словом, извращаются как могут. Те, кто поумней, реализуют нерастраченную энергию эмоций и интеллекта в творчестве.

Но всё это происходит в пределах черты, той самой черты, которую описывает смерть, заставляя нас держаться в границах жизни. Вы все притиснуты к этой черте. Вы не можете мыслить и действовать, переходя её рубеж. Только подумайте: ведь можно мерить мощь душевного порыва, глубину идей, верность убеждений, судьбоносность событий не только жизнью, но и смертью! Мудрец Сократ в подземелье мыслей вышел к каменной галерее смерти, и разумность добродетельных стремлений он оправдал готовностью принять яд цикуты. Баснописец Эзоп предпочёл рабской жизни бездну для свободных людей. Джордано Бруно сознательно выбрал жребий казнённого еретика, чтобы крепче утвердить теорию беспредельности звёздных миров, ибо «сжечь – не значит опровергнуть». Микеланджело побуждала создавать шедевры резца, кисти и пера мысль о смерти. И Монтень не боялся смерти: «Кто научился умирать, тот разучился быть рабом. Готовность умереть избавляет нас от всякого подчинения и принуждения. И нет в жизни зла для того, кто постиг, что потерять жизнь – не зло». Горьковский герой Марко бросился в объятья губительной страсти, чтобы опустившись в глубокий омут, вознестись над зыбкой трясиной брэнного прозябания. И они преодолели черту! Соврал Эпикур, что жизнь и смерть никогда не встречаются. Встречаются, если сам прорываешься из жизни к смерти! Но вы не можете оторваться от этой черты, подняться над ней. Вы её пленники! Она диктует вам свои правила и законы. Но мне надоела эта черта! Я хочу увидеть её разомкнутой...

Я хотел бы убежать от себя, обогнать себя, оказавшись далеко от осатанелой реальности; удалиться от нанесённых на карту судьбы знаков абсурда, от опостылевших житейских перипетий, стальной паутины социальных цепей; от банкротства достижений и бессмыс-

ленности ожиданий, сквозняка пустоты в многорёзочной темнице событий; от безумства ритуала проживания и прожигания жизни, диктата привычных её атрибутов; от никчемности неразрывных связей, нелепости обязательств, двусмысленности общественных ролей и окаменелости деловых статусов; от удушья обстоятельств, созданных осточертевшим окружением, и грохота фанфар убожества, имитирующих возгласы восторга; от принуждённости терпеть то, что вытерпеть невозможно. Я пытался замкнуться во внутреннем мире, но даже в себе не скрыться от себя.

Думаю, что читая это письмо, вы попытаетесь убедить меня в ценности жизни. Как часто я слышу: «Цени жизнь такой, какая она есть. Цени её каждое мгновение! Всё прожитое невосполнимо. Ты ходишь, думаешь, наблюдаешь, как оживают формы в переплетении лучей света, любишься красотами природы, радуешься и грустишь под музыку; едва прикасаясь, ощупываешь поверхность вещей. Тебе знакомы чувства нежности и любви. Потом этого не будет! Цени!..» Да, я ценю... Но это всё – наскучившая оболочка. А какую цену могли бы вы предложить за гнилой плод пусть даже самого изысканного растения? Ведь вы воспринимаете жизнь как спелый плод, так? Но стоит его только сквырнуть, как видите, что он весь прогнил, стал отвратительным и несъедобным.

За окном ночь. Я соскабливаю взглядом густые наслоения мрака, застрявшие у перекрестья рамы, что освещена привычным светом лампы. Как уютно становится от мысли, что огромный жестокий мир изолирован здесь четырьмя стенами, а окошко ограничено рамой. Но понятно, что ночной город намного шире. И в жизни такая же беспросветная мгла – бездна, которой тесно в раме. Мне пора идти. Я приготовился. Я раскрыл окно. Схема действий ясна, когда понимаешь, что бороться с судьбой бессмысленно. В ушах какой-то сверлящий гул. Прощайте! Надеюсь, что не слишком утомил вас своим нелепым опусом – но это уж точно в последний раз! Нескладно как-то... В моей смерти прошу винить жизнь.

Валентин Ладогин, 17 мая. 2013 г.

Из заметки в газете «Пulsь города» №18/7349, 21 мая 2013 года:

18 мая в 4 часа ночи выбросился из окна 7 этажа двадцатичетырёхлетний студент 4 курса филологического факультета ННГУ Валентин Ладогин. На кухонном столе он оставил предсмертную записку, обвинив в своей смерти ни много ни мало – саму жизнь. В последнее время волна самоубийств набирает обороты. Молодые люди не находят в себе внутреннего стержня противостоять стрессам, душевным невзгодам и превратностям судьбы.

I

Опять стук капель, капель, капель – тяжёлых капель, пронырливых капель – такой настойчивый, нудный, монотонный... Небо то едва тревожится иссиня-свинцовым свечением, то угасает в ночном полумраке. А ведь такой знойный был день! Таратора-дождь за окном всё ещё не умолкает.

Как всегда, под натиском новых впечатлений в ночное время, утомлённо свалившись в постель, я забыл выключить свет в спальне и ощущал сквозь сон раздражающие глаза желтовато-рыжие скопления световых пучков, которые расползались к периферии, словно кольца паров бензина, осевших в бурой луже. Я проснулся, терзаясь тем, что какая-то неясная мысль-змея проползла и скрылась в дальнем углу захламлённой картотеки моей памяти. Что же случилось? Как будто кто-то со стороны подсказал мне бойкой речёвкой нехитрую последовательность действий: «Ну, встань же скорее! Сделай пару шагов, остановись, резко раздвинь привычным движением занавес, пошаркай ступнями, топча волнистый узор на линолеуме, словно пританцовывая; постой, опершись ладонями рук о подоконник, оглянись назад и оглядись вокруг!» Шероховатость мыслей, шершавость ткани, шушуканье за окном...

Мне как-то не по себе. День был на редкость суматошным. Я пришёл домой из редакционного офиса газеты «Пульс города», опалённый поджаренным на вычищенной до блеска небесной сковороде солнцем. И такое впечатление, что солнечную яичницу полили для аромата лёгким красным вином, которое мы пили на пару с Димой – сыном моего школьного приятеля. Диме я уделял раньше много времени, подолгу беседуя с ним о литературном творчестве. Он привязался ко мне в детстве сильнее, чем к родителям. С большим трудом и не всегда удавалось мне уговорить этого ребёнка не путешествовать со мной в автобусе так далеко от своего дома. А он всё не унимался, цитируя мне отрывки понравившихся ему шуточных стихов местных поэтов. Но давно прошло то время. И вот Дима сообщил мне вчера, что его уже назначили коммерческим директором торговой фирмы, предложил отметить это событие... Не соображу сразу, какое отношение имеет Дима к моему нынешнему беспокойству. При чём же тут Дима?!

Голова кругом! Вот вспоминаю... Солнечный свет, рывками пробивающийся сквозь стёкла полутёмного помещения... А на улице – слепящий зной. Густые тени деревьев на асфальте просеяны огненной фасолью просветов между листвой. Поблёкшая и растворённая в лилово-серых разводах, испещрённая мелкими трещинами золотисто-охристая штукатурка двухэтажного дома, пёстрая и местами выцветшая трава, ярко-голубое, лишь с редкими пенными облаками, небо – всё это дробным видеорядом вертится в моём представлении. Но что-то не так. Что? Что же??? Я ловлю себя на мысли, что нечто непонятное и неосознанное, целиком выпавшее из памяти, омрачило сегодняшнюю встречу, этот славный дружеский уикенд. Я забираюсь взглядом высоко вдоль ложбинок на потолочных обоях, рассматриваю плотные тени на ледяной глади оконных стёкол, перебираю книги, рыхлой кучей валяющиеся на диване. Небрежно пролистываю первую попавшуюся из них и вновь читаю тот отрывок, которым всякий раз восхищался:

«Всю жизнь меня сопровождала тоска. Это, впрочем, зависело от периодов жизни, иногда она достигала большей остроты и напряжённости, иногда ослаблялась. Нужно делать различие между тоской и страхом и скукой. Тоска направлена к высшему миру и сопровождается чувством ничтожества, пустоты, тленности этого мира. Тоска обращена к трансцендентному, вместе с тем она означает неслиянность с трансцендентным, бездну между мной и трансцендентным. Тоска по трансцендентному, по иному, чем этот мир, по переходящему

за границы этого мира. Но она говорит об одиночестве перед лицом трансцендентного. Это есть до последней остроты доведенный конфликт между моей жизнью в этом мире и трансцендентным. Тоска может пробуждать богосознание, но она есть также переживание богооставленности. Она между трансцендентным и бездной небытия. Страх и скука направлены не на высший, а на низший мир. Страх говорит об опасности, грозящей мне от низшего мира. Скука говорит о пустоте и пошлости этого низшего мира. Нет ничего безнадежнее и страшнее этой пустоты скуки. В тоске есть надежда, в скуке – безнадежность. Скука преодолевается лишь творчеством».

Бердяев, мой любимый Бердяев – «Самопознание». Эти слова всегда были очень созвучны моему мироощущению. Это подспудно познаётся само, но в сознании закрепляется сразу и по логике вещей распознаётся в живом трепете мыслей философа. Тоска, дикая тоска по иному, по тому, что вошло от меня к миру потустороннему, выстроенному иначе, непознанному, загороженному створкой рутинных мыслей и мелочностью повседневных дел; миру, который тонкими излучинами напоминает о себе, когда я разламываю монолит окаменевшей реальности бурными волнами фантазии.

Как тонко в детстве и юности я ощущал это несовпадение миров, как мне хотелось выбиться из мысленнопробиваемой скорлупы прочно сконструированной данности, как хотелось вдруг почувствовать себя неким свободным духом, который обращён лицом к Богу, спиной к дьяволу, но всегда остаётся самим собой! И тут я вспомнил! Вспомнил! Тема суицида, тугой дрожащей струной перебившая извилистую паутину приятельского разговора, – вот что недавно всплыло в моём сознании. А при чём тут Дима, понял – поясню.

Дима – такой довольный, энергичный, похожий на взъерошенного воробушка или цыплёнка, которому вдруг сообщили, что он на самом деле орёл, быстро, но не глотая слов, с гордостью доложил мне: «Сейчас готовлюсь стать директором сразу двух торговых точек. Я выиграл в конкурсе и... Я не поехал в Москву, а захотел остаться здесь. Хотя снова принимаю участие в конкурсе „Директор столичного магазина“. А здесь мне попутно предлагают принять ещё одну точку и руководить сразу двумя с общим коллективом. Это – новинка в компании, такого ещё никто не делал. Точки в паре километров друг от друга. В компании изменяется система оплаты. Теперь директор может получать солидную прибавку к зарплате при выполнении плана. Плюс двадцать процентов от дохода торговой точки в целом. Являясь директором двух торговых точек сразу, можно очень хорошо зарабатывать – круто! С другой стороны, в Москве тоже немалые деньги...»

В разговоре Дима раскованно мотал головой (его причёску, где пряди волос вытягивались наружу иглами, я мысленно назвал «мечтой дикобраза»), по-актёрски (но, не переигрывая) жестикулировал, поворачиваясь, как заводной, из стороны в сторону, правую руку засунув в карман, а левую отводя наружу, слегка растопырив длинные, привыкшие к музицированию и пересчёту денег пальцы. По дурацкой привычке, забывая о том, с кем ведёт речь, Дима позволял себе иногда вставлять в разговор нецензурные словечки (чаще, используя вторую букву алфавита). Всматриваясь в самодовольное, симметрично выстроенное лицо Димы, я обратил внимание, что серо-голубые глаза парня бликовали каким-то холодным алюминиевым светом, так что зрачки исчезали в мутной амальгаме и были безучастны к обстановке разговора, двигались только в такт его мыслям. Губы, свободно выдерживающие быстрый темп речи, иногда изображали саркастическую улыбку. Он машинально присел на край чёрного офисного столика, стоявшего напротив меня. Рядом – хаотично разъезжающаяся в стороны кипа свежих газет, прибор для карандашей и ручек, большой степлер, похожий на недоношенного кашалотика, и дырокол, напоминающий притаившуюся в углу серую жабу. На столе стоял также

фужер, дно которого переливалось пурпуром, а под столом – опорожнённая бутылка приятного красного молдавского вина «Изабелла».

Дима продолжал разговор об умении раскрутить клиента на покупку товаров, которыми торгует фирма... «Тем не менее, это существенно повышает продажи. И миллион способов против одного возражения... Убедить приобрести товар можно почти любого покупателя. Как правило, никто не задумывается над тем, что же он хочет точно, а чего не хочет. Есть миллион способов найти недостающий элемент, о котором бы никто и не подумал...». Дима, нахохлившись, воодушевлённо и обстоятельно пояснил мне технологию эффективных продаж и при этом большое значение уделил психологии работы с клиентом. «...Дальше всегда идёт работа с возражениями. Этот этап техники продаж всегда идёт вторым после установления контакта. А выяснение потребностей – третьим. Внимание к потребностям называется выяснением потребностей... Вступлю в должность, – вдруг перескочил он снова на ключевой момент бизнес-карьеры, – не раньше, чем через три месяца. Нужно продержаться высокие показатели не меньше. Так вот... Потребитель – лицо заинтересованное, нужно лишь понять его потребности».

И тут он обстоятельно, с видом знатока человеческой психологии стал описывать знаменитую пирамиду потребностей – от физиологических к высшим духовным – Абрахама Маслоу. «Кого-то, – продолжал он, – интересуют вещи повседневного пользования, кто-то стремится к удобству эксплуатации, кто-то хочет блеснуть эксклюзивным товаром в обществе, как бы намекая на свой социальный ранг. Некоторые стремятся изучить расширенные функции модели да ещё совместить функции прибора и другой знакомой вещи. Вот, например, мне говорят: нужен недорогой, но качественный сотовый телефон. А я предлагаю взять с гарнитурой – миниатюрными наушниками. Говорю, что это удовольствие стоит денег. А как только начинается ворчание (мол, зачем?), сразу спрашиваю: «А вы хотели бы свободно общаться так, чтобы мобила лежала в кармане, радионаушник в ухе, а микрофон под рубашкой? И со стороны совершенно невозможно увидеть, что вы общаетесь с кем-то по телефону. Его будто бы и нет: не держите напряжённо телефон в руке, не вынимаете, наспех вздрагивая при вызове. Вы просто разговариваете с собеседником, как будто он перед вами. А уникальные разработки – гарнитуры с микронаушником, основанные на технологии *bluetooth*, не даются даром. Хотите современно жить, а не существовать – приобретайте, рекомендую! А где вы слышали, что беспроводные технологии дешёвые?» Ну и так далее... Могу предложить телефон-ручку, телефон в виде автомобиля, телефон с функциями планшета – смартфон, коммуникатор...

Вот как! А дальше... Скорость работы с человеком многое решает. Всё это есть в учебном центре и на портале компании для сотрудников. Главное – верить этому и не поддаваться заблуждениям большинства, что продавец – это так, для вида, – он слегка улыбнулся, – и, конечно, уметь это использовать! Нет ничего здесь сложного. Главное – верить в свои силы и быть нацеленным на результат! И научить своих сотрудников делать то же самое», – на его лице была видна неподдельная радость административного успеха – помесь упоённого самодовольства и педагогической хватки, позволяющей ловко манипулировать людьми.

– А вот, кстати, я могу заставить поверить в вымышленное событие как в реальное. Рассказываю как анекдот. Вызывает меня начальник и допрашивает: «Где у нас тут был потоп? Что ты на сайт сбросил?! Вся охрана переполошилась». «Да что вы! – говорю, – это ведь я в учебном центре описывал ситуацию форс-мажорных обстоятельств. Знаете же, что сейчас я занимаюсь на курсах переподготовки...». Так правдиво описал, что поверили! Прикол! – он расхохотался; после секундной паузы обобщил: – Видимо, продавать – это моё. Я способен уговорить большинство людей. Не так давно я решил двигать карьеру тут. В „Евросети“ самое важное – умение работать и обучать других работе. Директор – это повышение для старшего. По сути – то же самое, но с большим окладом и возможностью стать региональным директором. Весь прикол в том, что наш региональный директор (мой непосредственный начальник)

требует от директора лишь выполнения планов без напоминания. Пока что я лучший в секторе, – он снова улыбнулся, как будто любуясь собой в зеркале. – Директор получает на десять процентов больше старшего менеджера и ещё получает десять процентов с дохода точки, когда не работает в этом секторе. Как будто бы несложно... Да как сказать... Сейчас стремлюсь стать директором магазина, для этого нужно выполнять планы регулярно».

– Дима, – полюбопытствовал я, – а не скучно: бизнес – карьера, карьера – бизнес; деньги – товар, товар – деньги... А жить когда?

– Ну вы и спросите! Я этим живу! Хорошо умею работать, так и расслабиться могу, когда надо. Правда, я меру во всём чую; но вношу креативный дух в нудную систему работы предприятия. Это ж тоже удовольствие и искусство своего рода! А вот бывает и такое, что некоторые выстраивают совершенно необычные, оригинальные бизнес-системы. Я не знаю: там люди с катушек съезжают, что ли? Так ловко балансируют между законом и беззаконием! Такой бизнес, можно сказать, – сплошное приключение. Вот только людей бывает жалко...

– Ты о чём?

– Да вот вспомнилась занимающая вас тема – тема суицида.

Дима, немного смутившись, обдумывая: говорить – не говорить, обеспокоившись, как бы ни оказаться поневоле в ситуации карточного шулера, который подсмотрел лишь несколько карт и на этом хочет построить всю игру, вопросительно, вдруг ощутив неловкость и мысленно извиняясь, взглянул на меня.

– Продолжай, продолжай, – я пристально и настойчиво смотрел ему в глаза. – Говори! Мне интересно.

– Региональный директор недавно рассказал мне забавнейшую вещь, вот послушайте: в парке «Аркадия» с 1 июня начнёт работать фирма опасных аттракционов – экстремальных, как их ещё называют. Знаете, как называется? Общество с ограниченной ответственностью «Гильотина»! Круто?!

– Неожиданное название для развлекательного комплекса.

– Не совсем развлекательного. Хотя работать будет как бы для любителей экстрима, чтобы нервы им пощекотать, и они могли бы испытать удовольствие от страха и его преодоления, почувствовать себя супергероями. Разрешено входить только совершеннолетним. Поначалу и не скажешь, что аттракционы настолько опасны, хотя сразу впечатляют. Технический контроль безупречен. Никаких сбоев! С виду кажется, что хоть и пугающая, но безобидная штука: «Американские горки», «Колёса обозрения» – «чёртовы» колёса, с уклоном вращающиеся карусели – «Летающие тарелки», «Свободное падение», «Воздушный пловец», «Сумасшедший ездок». «Кобра», «Катапульта», «Русские горки» – ну, много всего, стандартный набор для смельчака-экстремала.

– Погоди, Дима, – с несдерживаемым любопытством перебил я. – Мне ведь не всё известно. Ну вот чем, например, «русские горки» отличаются от «американских»? И по остальным названиям подробнее разьясни: что это такое и с чем едят.

– Ха-х! Вы ведь журналист, а от жизни отстаёте, отстаёте... – иронично подкалывая и игриво насмехаясь, раззадорился Дима.

– Каюсь, безнадежно отстаю. Ну так просвети меня.

– Просвещаю: отличия почти нет. Просто названия двух аттракционов разные. Шутят, что когда «американские горки» разболтаются, они становятся «русскими горками». Прототип «американских горок» – русские ледяные горки, известные при Екатерине. В Америке в конце девятнадцатого века запатентовали аттракцион, где тележки (а у нас – сани с колёсиками) могут кататься по рельсам. В «Аркадии» «Русские горки» несколько круче в подъёме и более извилисты.

– Стало быть, «Русские горки» опаснее?

– Нет, наоборот. Но об этом после. Пока буду просвещать вас по другим аттракционам, – деловито и с той же едва заметной усмешкой проговорил Дима. «Свободное падение» – ощущения, как при подъёме и спуске самолёта. Люди катаются вверх-вниз на плоской платформе по высокой лифтовой конструкции, передвигаясь, как бегунок по логарифмической линейке. Причём, когда спускаетесь вниз, кажется, что платформа вдруг сорвалась и вот-вот разобьётся. «Крик» – вагончик останавливается у обрыва наклонной рельсовой дорожки, будто автомобиль удалось остановить на краю пропасти.

– А как он возвращается назад?

– Всё просто. Меняется наклон дорожки и вагончик движется назад. А вот ещё – «Шейкер» – как бы руки вас вращают на бешеной скорости. «Воздушный пловец» – вот это здорово, это класс, это мне нравится! Люди, обтянутые канатами, просто летают, парят над землёй! А потом катапультируются на большом парашюте. «Сумасшедший ездки» – тоже интересно! Конструкция напоминает бутон цветка. Вращающиеся «лепестки», по краям которых располагаются кресла с людьми, то сближаются к середине, то отдаляются друг от друга. Там есть ещё «Кобра» – дико извилистая дорожка. «Катапульта» – шарообразная металлическая капсула крутится вокруг своей оси, небо и земля быстро меняются местами. Там, короче, быстро совершается вертикальный взлёт на большую высоту. Какая-то интересная конструкция с тросами. «Шторм» – это когда вас раскручивают, словно гайку винта крутят (но без жертв, ха-ха!). «Крылатые качели» отлетают на большой угол ввысь. «Седьмое небо» – это просто диск карусели на большую высоту поднимают. «Бустер» – качают и кружат с использованием рычагов в подвижных гондолах. «Форсаж» – катание как-то наподобие «горок», но в вертикальной плоскости. Есть ещё карусель «Ракета» – типа «почувствуй себя космонавтом», крутятся на ракетке. «Пятый элемент» – колесо вращается во всех плоскостях – очень даже круто по ощущениям.

– Ты так рассказываешь, как будто сам посетил все эти аттракционы, всё испытал на себе.

– Да так оно и есть. Я основную часть этих аттракционов в Питере посетил. Там есть парк «Диво-остров». Меня всегда тянуло к такой необычной технике.

– И к опасности?

– Наверное.

– А что ты говорил по поводу горок? И какое отношение имеет вся эта экстремально-развлекательная кутерьма к суициду? И что за идиотское название развлекательного центра – «Гильотина»?

– Развлекательная кутерьма, – с телячьим восторгом повторил понравившееся выражение Дима. – А-ха-ха! – Проще сказать – фигня! Сейчас всё объясню... Э-у-м-м... В общем, по задумке вся система аттракционов разделена на сектора по степени их опасности (ну, или кажущейся опасности – это как хотите). В каждом, помимо техников, работает группа психологов и психиатров, между прочим – высокой квалификации. В последнем секторе занимается с людьми даже священник. Всё это придумано для тех, кто уже точно решил совершить самоубийство. Удовольствие стоит немало и приносит нехилую прибыль. Директор фирмы убеждает, что испытав острые ощущения и побеседовав со спецами, задумавшие самоубийство откажутся от этого и вернуться к нормальной жизни. Цель у них, значит, – разубедить в намерении свести с жизнью счёты. Такой у них базар.

– А что, если найдутся «упёртые», которых бесполезно разубеждать? Ведь, если человек в этой системе по определению никогда не сможет покончить с собой, то никто из них так туда и не пойдёт.

– Так тут-то и собака зарыта. Такая возможность всё же сохраняется. Есть такая возможность!

– Как сохраняется?!

– Вот «Американские горки» – последний аттракцион в этой системе. Модель страшная... Всё вроде бы безобидно, но не так! Короче, там можно кататься как на обычных горках – визжишь и получаешь удовольствие. Но есть там и запретный рычажок. Дёрнешь его – и движение будет идти так, чтобы произошёл разрыв сердца, как бы сам собой. Доказать, что темп и направление езды к этому имеют отношение, почти невозможно. Хитрая штука! Просто дьявольская! А предварительно участник аттракционов заполняет какой-то длиннющий договор, где оговорено, что фирма не несёт ответственности, если показатели здоровья клиента не позволяют ему участвовать в экстремальных аттракционах.

Я замер в оцепенении, ужасаясь тому, как такое вообще возможно, чтобы в парке работал механизм для совершения самоубийств.

Но тут зашёл в офис, экстравагантно маневрируя плечами, русоволосый мужчина, на вид – около сорока пяти лет, весьма представительный, с заострённым книзу бледно-розовым лицом. К его скулам стянута, будто слегка поджата широкой резиной, нижняя челюсть. Форму чеканно выстроенных губ подчёркивали тонко выстриженные усики. Глубоко посаженные глаза придавали ему выражение холодной мечтательности. Нос в виде тонкой трубочки издавал едва уловимые звуки лёгкого сопения.

– Павел! – живо встрепенулся я, вмиг узнав своего давнего приятеля – доктора психологических наук Павла Альбертовича Сапрыкина. Он знал, что я интересуюсь темой самоубийств и не раз выступал в качестве толкового эксперта, беспристрастно разбирающего с позиции опытного психолога все плюсы и минусы моих статей и заметок на эту тему. – Рад встрече (я крепко пожал ему руку). Садись с нами. Жаль, вина уже не выцедить... Кто ж думал, что придёшь. Сообщил бы, что заглянешь на огонёк. Мог ведь и не застать... А мы с Димой только что обсуждали психологию продаж. Он, оказывается, хорошо разбирает структуру пирамиды потребностей Маслоу (Дима, поздоровавшись, вежливо улыбнулся: он уже пару раз общался с Павлом в моей компании). Кстати, что ты скажешь по поводу предсмертного письма Ладогина, ксерокопию которого я тебе давал позавчера? Ведь это самое длинное и подробное письмо самоубийцы, которое мне удалось прочесть.

Павел привычно плюхнулся в чёрное офисное кресло, несколько откинувшись назад и закинув ногу за ногу.

– Да ничего особенного твой Ладогин собой не представлял, —уверенным баритоном высказал он.

Меня иногда смущал категоричный и безапелляционный тон его заявлений, как будто бы с налётом учёного снобизма. Хотя я понимал, что это – по привычке напускное, в дружелюбной компании он держался естественно и без амбиций. Речь его всегда была чёткой, выдержанной и грамотной.

– Способный и эрудированный был парнишка, у которого сдали нервы.

– Как думаешь, причина – девушка, которую он так описал. Разрыв отношений с ней стал причиной его внутреннего разлада?

– Думаю, не совсем так. Она только обильно подлила масло в уже зажжённый и ярко пылающий огонь. Хотя в девушку он, безусловно, был сильно влюблён. Это уже можно понять по тому нервному напряжению, когда он застревал в амбивалентности понятий и называл её то «ласковым и игривым ребёнком», то «банальной шлюшкой». Но настоящая причина – крах идеалов, переживание фрустрации, невозможности совершенного исполнения желаний. Человек в этой ситуации полностью дезориентирован. Чёрное и белое поменялись местами. О девушке можно предположить, что она склонна к частой смене настроений, перебору партнёров. Такая лабильность могла быть следствием лёгкой психосексуальной травмы. Возможно, что она стала жертвой группового изнасилования в знакомой компании, может, и спьяну. И ей тяжело после этого создать гармоничные отношения с мужчиной, когда всякий, проявляющий

к ней интерес, воспринимается как потенциальный партнёр, которого можно закадрить и отложить про запас. Остановиться ей трудно, хотя сильные чувства могли бы её удержать.

– Я вижу – девушка тебя больше заинтересовала.

– Не мудрено.

Мы коротко и негромко рассмеялись.

– Но давай вернёмся к теме. Ты ведь всё-таки не отрицаешь, что у парня были литературные способности?

– Да, но организации должной всё же не было. Он часто сбивался с логики мысли, например, в одну кучу свалил идеи античных философов и литераторов, затем Бруно, Монтеня, поступок горьковского героя-романтика... А всё, чтобы пустить пыль в глаза, рационализировать, облагородить мотивы суицида приторно напыщенным пафосом. Но не буду долго спорить с тобой о его литературных способностях. Ты ж у нас тут главный по литературной части! Просто мне кажется, что ты их преувеличил.

– А в упоминании о Марко ведь тоже есть смысл. Вспомни концовку песни:

*«А вы на земле проживёте,
Как черви слепые живут:
Ни сказок про вас не расскажут,
Ни песен про вас не споют!»*

– Но к мотивам его действий стремление обессмертить себя не имеет никакого отношения.

– Я для интереса отыскал, как выглядит полностью отрывок о смерти из «Опытов» Монтеня.

Сказал это скороговоркой, выдернул из стопки книгу Монтеня с угольной обложкой и пурпурными разводами, раскрыл её на заранее заложенной странице. На пол слетела закладка с репродукцией из серии «Священное послание» Дали: опрокинута круглая чаша, похожая на чёрное солнце, во все стороны от которого разлетаются в окаймлении золотые, по краям – аспидные брызги-лучи, рваными пятнами и тонкими стрелами наезжающие на силуэт сложенного Христа. И я стал старательно вычитывать:

«...так как от неё ускользнуть невозможно, ибо она одинаково настигает беглеца, будь он плут или честный человек, и так как даже наилучшая броня от неё не обережет, давайте научимся встречать её грудью и вступать с ней в единоборство. И, чтобы отнять у неё главный козырь, выберём путь, прямо противоположный обычному [...] Неизвестно, где поджидает нас смерть; так будем же ожидать её всюду. Размышлять о смерти — значит размышлять о свободе. Кто научился умирать, тот разучился быть рабом. Готовность умереть избавляет нас от всякого подчинения и принуждения. И нет в жизни зла для того, кто постиг, что потерять жизнь — не зло».

– Но ведь опять не в тему. В словах Монтеня – мысль о естественной смерти, перед которой все равны. Поэтому она служит напоминанием об истинном предназначении человека, вне социальных различий.

– Тут ты неправ. Монтень рассуждал и о проблеме самоубийства. Я тут сделал ещё одну закладку и подчеркнул. Ну, к примеру, из этого отрывка (я небрежно отложил в сторону ещё одну закладку с репродукцией из той же серии Дали, где вздымается оранжевым конусом Вавилонская башня):

«Смерть — не только избавление от болезней, она — избавление от всех зол. Это — надёжнейшая гавань, которой никогда не надо бояться и к которой часто следует стремиться. Всё сводится к тому же, кончает ли человек с собой или умирает; бежит ли он навстречу смерти или ждёт, когда она придёт сама; в каком бы месте нить ни оборвалась, это — конец клубка. Самая добровольная смерть наиболее прекрасна. Жизнь зависит от чуждой воли, смерть же — только от нашей. В этом случае больше, чем в каком-либо другом, мы должны сообразоваться только с нашими чувствами. Мнение других в таком деле не имеет никакого значения; очень глупо считаться с ним. Жизнь превращается в рабство, если мы не вольны умереть».

И дальше – смотри:

«Стоики утверждают, что для мудреца жить по велениям природы значит вовремя отказаться от жизни, хоть бы он и был в цвете сил; для глупца же естественно цепляться за жизнь, хотя бы он и был несчастлив, лишь бы он в большинстве вещей сообразовался, как они говорят, с природой. Подобно тому, как я не нарушаю законов, установленных против воров, когда уношу то, что мне принадлежит, или сам беру у себя кошелек, и не являюсь поджигателем, когда жгу свой лес, точно так же я не подлежу законам против убийц, когда лишаю себя жизни».

– Подожди-ка, подожди, – торопливо вырывая из моих рук книгу, оборвал меня Павел. – Монтень, диалектически рассуждая, излагает две точки зрения философов на проблему, при этом в равной степени отстаивает обе позиции:

«Однако далеко не все в этом вопросе единодушны. Многие полагают, что мы не вправе покидать крепость этого мира без явного веления того, кто поместил нас в ней; что лишь от Бога, который послал нас в мир не только ради нас самих, но ради Его славы и служения ближнему, зависит дать нам волю, когда он того захочет, и не нам принадлежит этот выбор; мы рождены, говорят они, не только для себя, но и для нашего отечества; в интересах общества законы требуют от нас отчёта в наших действиях и судят нас за самоубийство, иначе говоря, за отказ от выполнения наших обязанностей нам полагается наказание и на том и на этом свете [...]

Больше стойкости — в том, чтобы жить с цепью, которою мы скованы, чем разорвать её [...] Только неблагоразумие и нетерпение побуждают нас ускорять приход смерти. Никакие злключения не могут заставить подлинную добродетель повернуться к жизни спиной; даже в горе и страдании она ищет своей пищи. Угрозы тиранов, костры и палачи только придают ей духу и укрепляют её [...] В бедствиях легко не бояться смерти, но гораздо больше мужества проявляет тот, кто умеет быть несчастным [...] Спрятаться в яме под плотной крышкой гроба, чтобы избежать ударов судьбы, – таков удел трусости, а не добродетели. Добродетель не прерывает своего пути, какая бы гроза над нею ни бушевала [...] Нередко стремление избежать других бедствий толкает нас к смерти; иногда же опасение смерти приводит к тому, что мы сами бежим ей навстречу...»

И на Платона он ссылается:

«Платон в своих „Законах“ предписывает позорные похороны для того, кто лишился жизни и всего предназначенного ему судьбой своего самого близкого и больше чем друга, то есть самого себя, и сделал это не по общественному

приговору и не по причине какой-либо печальной и неизбежной случайности и не из-за невыносимого стыда, а исключительно по трусости и слабости, то есть из малодушия. Презрение к жизни — нелепое чувство, ибо в конечном счёте она — всё, что у нас есть, она — всё наше бытие. Те существа, жизнь которых богаче и лучше нашей, могут осуждать наше бытие, но неестественно, чтобы мы презирали сами себя и пренебрегали собой; ненавидеть и презирать самого себя — это какой-то особый недуг, не встречающийся ни у какого другого создания. Это такая же нелепость, как и наше желание не быть тем, что мы есть. Следствие такого желания не может быть нами оценено, не говоря уже о том, что оно само по себе противоречит и уничтожает себя».

Созвучные мысли можно найти и у Шопенгауэра. Тот тоже утверждал, что человек в отличие от животных имеет полную свободу выбора. Самоубийца же похож на больного, не позволяющего завершить болезненную операцию и предпочитающего сохранение болезни принятию целительного страдания. И нелепо ввиду неизбежных страданий жизни содействовать смерти. Также буддисты, как должно быть тебе известно, осуждают самоубийство как временное решение постоянной проблемы.

И опять возвращаюсь к Монтеню (наскоро Павел выкроил из текста):

«Существуют безрассудные и взбалмошные порывы, толкающие на самоубийство не только отдельных людей, а целые народы [...]

Кроме того, в судьбе человеческой бывает иной раз столько внезапных перемен, что трудно судить, в какой мере мы правы, полагая, будто не остаётся больше никакой надежды...»

Павел решительно и воодушевленно водил указательным пальцем по странице книги, бравуруя тем, что легко одержал победу в споре.

– И кстати, знаешь что, – продолжал Павел, – сейчас в народе стала популярна версия, что, мол, различного рода энергетические вампиры – кандуки, лембои и прочая нечисть толкают людей к массовому суициду. Ерунда, конечно. Другое дело, что общество может быть заражено социально-психологическими болезнями. Вот Монтень и изучал их проявления.

– И всё же Монтень соглашается с тем, что оправданиями самоубийства могут быть невыносимая болезнь либо опасение худшей смерти. А как полагаешь: был ли в действиях Ладогина мотив вселенского бунта? Я вот тут специально сделал закладку на одном отрывке из «Бесов» Достоевского. Вот – смотри (взгляд Павла скользнул по странице):

« – Если будет всё равно, жить или не жить, то все убьют себя, и вот в чем, может быть, перемена будет.

– Это всё равно. Обман убьют. Всякий, кто хочет главной свободы, тот должен сметь убить себя. Кто смеет убить себя, тот тайну обмана узнал. Дальше нет свободы; тут всё, а дальше нет ничего. Кто смеет убить себя, тот бог. Теперь всякий может сделать, что бога не будет и ничего не будет. Но никто ещё ни разу не сделал.

– Самоубийц миллионы были.

– Но всё не затем, всё со страхом и не для того. Не для того, чтобы страх убить. Кто убьёт себя только для того, чтобы страх убить, тот тотчас бог станет».

– О, Достоевский: Кириллов, Ставрогин – бесы, бесы, ясное дело! Ну нет, ты ошибаешься, думая о мотиве вселенского бунта в действиях парня. Скорее тут не вселенский (точнее – атеистический) бунт, а вселенская тоска, под стать той, что видим в глазах врубелевского

Демона: несовместимость мира реального и идеального. Вспомни, что писал твой любимый русский философ об объективации. Николай Бердяев этот момент ой как хорошо прочувствовал! Если что, я могу пояснить свою позицию по суициду, используя собственную, авторскую, модель связи потребностей и мотивов – её подробно описал в диссертации. Уж, коль речь у вас заходила о пирамиде Маслоу, думаю, небезынтересно будет понять целостное устройство личности по этой схеме. Объяснить популярно, что имею в виду?

– Безусловно! И Дима тоже с удовольствием послушает.

Дима кивнул и, по инерции качнувшись в сторону, добавил:

– Я детально пирамиду не разбираю – только то, что для дела надо. А хотелось бы глубже вникнуть.

– Буду говорить метафорически, эзоповым языком – притчами, то бишь, чтобы сразу понятней было. Человеческая личность, если сравнить её со зданием – трёхэтажный объект. Это ещё дедушка Фрейд обнаружил. – Павел открыто улыбнулся, обнажив до блеска вычищенные зубы. – Первый ярус занимают потребности. Это общеизвестная схема Маслоу – от низших к высшим: физиологические, в безопасности, в любви и принадлежности, в уважении, дальше – высшие потребности, то есть познавательные, эстетические, наконец, в самоактуализации.

– Слышишь, Дима, – потирая нос, обратился я вполголоса к своему младшему другу, – ты хорошо усвоил схему, воспроизвёл без ошибок.

Дима кивнул и оглянулся в сторону Сапрыкина.

– Да, так я продолжаю, – не желая дробить идеи в ступе обсуждений, немного нахмурившись, сухо и настойчиво проговорил Павел. – Это всё относится к потенциальной личности, личности в зародыше, нуждающейся в чём-то, но не имеющей возможностей, необходимых средств. К этой ипостаси личности подберём ключевое слово «хочу!». Эта личность ютится в глубине подсознания, она говорит нам, что нужно глотать пищу, спать, защищаться от врагов и бороться с болезнями, выбирать друзей по себе, любить и наслаждаться, рожать себе подобных, добиваться признания и уважения в обществе, познавать мир и отличать прекрасное от безобразного, а главное – оставить индивидуальный след в жизни. Одним словом – стандартный набор программ для человека разумного. Подсознание – это своего рода тёмное подземелье или цокольный этаж здания внутреннего мира человека. Потребности осознаются по сигналам эмоционального тона – прообраза эмоций. Он примитивен и при их удовлетворении сообщает об удовольствии, а в противном случае о неудовольствии.

А теперь представим, что эту самую пирамиду мы поместили на более высокий уровень. И тогда получим актуальную личность, «живущую», скажем, на первом этаже. Её ключевое слово – «готов!» («хочу» и «могу» одновременно). Именно на этом уровне обеспечивается полноценная связь с внешним миром. Здесь каркас личности (её гештальт, как ещё называют) составляют не потребности, а интересы. Интересы – великий механизм, встроенный в сознание людей. В них – ясность разума, богатство эмоций и сила воли. Эмоции грусти, радости, удивления, тревоги, страха, стыда, отчаяния, отвращения, обиды, гнева... так разнообразны, чтобы хорошо осознать побудительные мотивы, которые должны собраться в том же порядке, как и потребности. И тут уже выстраиваются в стройные ряды мотивы готовности действовать по ситуации. Сначала следуют состояния и установки (возникает, например, намерение изучить тему суицида – так это твоя установка, Илья, – обратился ко мне Павел, разминая блестящие в ярком дневном свете, аристократически расставленные пальцы правой руки, – а потом уже можешь находиться в состоянии заинтересованности...).

– Вау! Состояния – это очень интересная тема. Я слышал о состоянии когнитивного диссонанса, – бойко перебил Дима. – Типа ты сам с собой не в ладах.

– В общем-то да, – со скрытой усмешкой отозвался Павел. – Он возникает, если человек не может разрешить конфликт двух противоположных представлений об одном и том же предмете.

– А ещё какие состояния бывают? – любопытно спросил Дима.

– Можно находиться в состоянии растерянности, веселья, страха... Ведь все состояния связаны с эмоциями, которые активно проявились за определённое время. В различных ситуациях можно испытывать состояния тревоги, сомнения, уверенности и неуверенности, собранности и растерянности, решимости и нерешительности. Бывают состояния нетерпения и раздражения, они зависят от наших желаний и активны при задержке или недоступности желаемого, то есть фрустрации.

– А тревога и страх – разве не одно и то же? – продолжал допытываться Дима.

– Нет, разные понятия. Тревога – это последствие страха. Испытал страх – вот и испытывай сильное эмоциональное напряжение. Тревога беспредметна, её причины не всегда сразу определяются. Страх и надежда – это противоположные состояния, связанные с переживанием возможного будущего, сумрачного или радужного. Есть и состояние мечтательности. Очень странное состояние, своеобразное проживание жизни как сна – одно из немногих, вызванных притягательными, а не побудительными мотивами. Некоторые считают мечтательность слабоволием, но без неё всё же невозможно творчество. В общем, очень много есть мотивационных состояний.

– Интересно, а за ними какой уровень? – не унимался Дима.

– За ними следуют влечения – импульсы связи физического и психического, потребности и эмоций; далее – желания, страстные стороны мысли, толкающие её к переходу в действие; потом – склонности, делающие привлекательными не только цель, но и процесс деятельности; привычки, прочно связывающие человека с миром. И заметьте: над всем этим царят интересы! Так формируется настоящая боевая гвардия мотивов, которая, соединяясь с волевыми импульсами, толкает личность к раскрытию способностей, к переживаниям мук творчества, определяет черты характера.

А на втором этаже «живут» притягательные мотивы, которые соответствуют слову «буду!». Там правят бал идеалы и убеждения. Это ценности, которые человек бережёт, подобно чаше святого Грааля из куртуазных романов или философскому камню астрологов. Прикасаются к ним дано избранным, для других они не существуют. У основания этой пирамиды лежит сильная притягательная установка – мечта, возникающая в состоянии надежды; а на её вершине – цели. Между ними – смыслы, которые наполняют живой энергией сознания серое однообразие существования и обретаются в деятельности, при сдвиге мотивов на цель. На втором этаже поместилась планируемая, идеальная личность, личность-проект. Она не живёт в реальности, но всегда стремится ожить в реальном мире. В ней произрастают чувства, разные чувства – любовь, ненависть, симпатия, антипатия, привязанность, счастье, ревность, гордость, зависть, враждебность... Такая заморочка, собственно, и есть человек, каким мы его представляем в виде духовного существа. На самом деле в реальности настоящего этого этажа личности нет. Это – чистая проекция, игра воображения, иллюзия. Но человек тем и отличается от других земных существ, что превращает даже самого себя в иллюзию. Все жизненные удачи и неудачи он связывает с тем, в чём и как удался этот иллюзорный проект. Нам кажется: нет будущего – нет жизни, есть только биологическое существование, бездольное и беспросветное, сплошное проживание жизненных ситуаций. Ибо человек всегда обращён лицом к будущему, каким бы безнадежным оно ему ни казалось. Сошлюсь на Сартра: *«Человек — это прежде всего проект, который переживается субъективно, а не мох, не плесень и не цветная капуста»*.

Итак, «хочу!», «готов!», «буду!» – вот те пружины, благодаря которым живёт и действует человек. Между тем, как собираются потребности и мотивы каждого «этажа», существует определённая связь. Перестройка пирамиды на одном «этаже» тут же влечёт с собой необходимость перестройки пирамид других «этажей». Но представьте, что человек вдруг понимает: для него больше не имеет смысла то, чего он хотел и к чему стремился. Идеалы рушатся, мечты

вычеркнуты из реестра реальности, надежды не оправдались. Верхний этаж беспощадно сметён бурями судьбы. Перебиты опоры, выбиты стёкла окон, здание личности расшатано.

Человеческое существо, лишившись образа будущего, становится не только бескрылым, но и бесхребетным. То, что считал ценностями, оказалось гнилью и пустотой. Тогда расшатывается каркас и побудительных мотивов. Человек теряет интерес к жизни. Из состояний ему остаются лишь сомнение, неуверенность, замешательство, а из эмоций – гнев, отчаяние и страх. Когда он упустил журавля в небе, ему хочется задушить синицу в руке. Таков типичный психологический портрет интеллектуала-самоубийцы. Напомню слова Шопенгауэра: *«Именно потому что самоубийца не может перестать хотеть, он перестаёт жить»*. Объекты желания и воли уже не совпадают. Личность желающая, хотящая и борющаяся не может смириться с тем, что личности идеальной больше не существует.

Волевые импульсы направляются от побудительных мотивов к жизненным целям, но эти цели уже заблокированы и бессмысленны. Тогда воля, наткнувшись на разрушенные идеалы, на непреодолимые препятствия, отправляется обратно с тем, чтобы уничтожить невыполнимые желания, но не может этого сделать, вступая в противоречие сама с собой, и решается уничтожить желания вместе с жизнью. Человек становится себе же самочинным судьёй, беспощадным палачом и бесстрастным могильщиком. Так планируется и совершается суицид, так происходит самоподрыв на перепутье судьбы. Тот, для кого сыр во рту важнее посланного его Бога, а настроение важнее вдохновения, тот и не заметит, что «второго этажа» больше нет, лишь чуть-чуть начинает протекать крыша от тусклости и абсурдности существования. Его типичные действия – попытаться скрасить бесцветность жизни приключениями, грубыми забавами, утонуть в дымке миражей и утопить проблемы в море вина или болоте наркотиков. Но потеря идеалов и переоценка ценностей для тонко чувствующего человека – большая трагедия. Если сила потребностей измеряется зависимостью, сила интереса – страстью, то сила идеала – только величиной жертв, которые требуются для его достижения. Человек – единственное существо, которое может принести себя в жертву абстрактному принципу – идеалу. Здесь кроется опасность суицида.

Вот эту авторскую модель личности я, как уже сказал, подробно описал четыре года назад в докторской диссертации, только сухим научным языком. А спустя полгода после защиты я выступил на международной конференции, где коснулся вопроса структурной перестройки личности в стрессовых ситуациях. Речь зашла и о самоубийцах. Я выдвинул гипотезу, что в момент, когда человек оказывается на грани жизни и смерти, имитация переживаний риска для жизни и получение удовольствия от ощущения опасности и страха отдаляет самоубийцу от перенесения сюжета прощания с миром в реальную жизнь, делает бессмысленным, неактуальным повторение опасного сценария в самой жизни, – если сразу же будет проводиться профессиональная работа по обретению человеком новых жизненных ценностей и смыслов. Старая установка – умереть сменяется новой – ощутить неизведанные грани жизни. Эмоция страха замещается эмоцией удовольствия от игры в опасность. Сознание в этот момент активно рефлексивует, представляет прожитую ситуацию отстранённо, в виде игры, в виде модели – понимаешь? Так художник, поэт, прозаик или режиссёр, описавший акт самоубийства, может мысленно толкнуть к последней черте вместо себя своего героя, насытив его своими переживаниями, страданиями, утопив следы тревог и депрессий в нём, именно в нём – виртуальном, выдуманном, в этой умозрительной модели, но при этом сам остановившись на краю пропасти, обзрев её и снова продолжив путь по извилистым тропам жизни. Ну вспомни хотя бы «Самоубийцу» Эдуарда Мане, написанного в период депрессий и атаксии (нормально двигаться не мог – мышцы ходили ходором). Да вот – или же «Из бумаг прокурора» Апухтина.

– Хорошо помню Апухтина, – живо, даже крикливо, отозвался я, потирая колени, – как здорово он описал образ мира глазами самоубийцы! Какой поразительный гротеск! Там есть именно то, о чём ты говорил – крушение идеалов, переоценка ценностей:

*«Близ солнца, на одной из маленьких планет
Живёт двуногий зверь некрупного сложенья,
Живёт сравнительно ещё немного лет
И думает, что он венец творенья...»*

Как уж там дальше? Сейчас найду. Интересную тему, Паша, ты затронул!

У меня на рабочем месте были заранее припасены некоторые книжки, в том числе художественные, по интересующей меня теме. Я мигом, немного краснея от волнения, схватил с полки навесного шкафа маленькую книжку зелёного цвета со стихами Алексея Апухтина, при этом случайно свалил толстовскую «Каренину». Поднимать в этот момент не стал. Быстро по оглавлению нашёл «Из бумаг прокурора» и, чуточку похрипывая, зачитал отрывок:

*«В таком убожестве неведенья, бессилья
Должны бы спутники соединить усилья
И дружно общий крест нести...
Нет, люди — эти бедные микробы —
Друг с другом борются, полны
Нелепой зависти и злобы.
Им слезы ближнего нужны,
Чтоб жизнью наслаждаться вдвое,
Им больше горя нет, как счастье чужое!»*

Хорошо, правда? А вот ещё – смотри, как он ностальгически пытается уйти от изменения отношения к людям, к миру:

*«О, эти блага жизни... С наслажденьем
Я б отдал их за жизнь лишений и труда...
Но только б мне забыть прожитые года,
Но только бы я мог смотреть не с отвращеньем,
А с тёплой верой детских дней
На лица злобные людей.»*

– Да, всё так. Но ты прервал мою мысль... Ага, я ведь говорил о моделировании ситуации, точнее – о проживании в игровой форме акта суицида. Не оправдавший себя проект с несбыточными мечтами, обесцененными смыслами и недостижимыми целями втискивается в такую же умозрительную модель, которую можно легко уничтожить, продолжая жить в настоящем. Вот замечательный момент, после которого можно сконструировать заново пирамиду второго этажа: мечты – смыслы – цели (произнося последнюю фразу, Павел в ходе увлечённого объяснения напряжённо сомкнул кисти рук, даже прихлопнув, – мол, дело сделано). Виртуально, в игре, в какой-то обстановке экстрима парковых аттракционов, пережил свою смерть или прошёлся по ребру граней жизни и смерти – всё! Дальше можно жить!

Тогда в душевной аудитории утомлённых потоками обильной информации людей я нашёл благодарного слушателя. Он внимательно следил за ходом доклада, жадно ловил каждое моё слово, подмечал неточности, старался вникнуть в смысл. А после выступления, выясняя детали моей концепции, просто засыпал вопросами: «Следовательно, серьёзных экспериментов в этом направлении ещё не проводилось?», «Как экспериментально подтвердить...?», «Исследование, значит, пока ещё в стадии разработки...?», «Какие варианты...?», «А что, если...?», «Но почему тогда...?»...И неожиданно, рассуждая как бы сам с собой, он тихо бросил короткую реплику: «Да, на этом же можно делать хорошие деньги». В тот момент я не придал его словам никакого значения. И лишь недавно получил сигнал, что этот человек настойчиво добивался встречи со мной, приглашал участвовать в интересном проекте. Несколько раз звонил

на кафедру – не застал, расспросил коллег, как меня найти, узнал номер моего мобильного. Зовут его Станиславом Алексеевичем Делитовым.

Ну, я сначала с радостью откликнулся. Всё же приятно, когда твои идеи кому-то очень интересны. Но меня уже насторожила та бешеная, почти безумная прыткость в организации эксперимента с экстремальными аттракционами. А когда он сказал мне, что для чистоты эксперимента необходимо оставить самоубийце шанс покончить с собой, я резко крикнул, что это – опасная безнравственная и уголовная авантюра. Не ожидал, что можно так перевернуть и опозлать мои идеи. Не желаю я участвовать в этом маниакальном предприятии, и вообще ничего не хочу иметь общего с душегубом. И тут я к тебе, Илья! Надо сорвать этот проект, пока ещё не было реальных жертв. Слышал об открытии с 1 июня в парке «Аркадия» системы экстремальных аттракционов якобы на базе реабилитационного центра для тех, кто одержим идеей самоубийства?

– Сегодня уже второй раз, причём сразу после первого. Даже удивительно, как всё совпало – знак судьбы, я так понимаю. Рассказать кому – не поверят, что в жизни такое бывает. А я ещё хочу тебя спросить: он нигде о тебе как об авторе идеи не упоминает?

– Упоминает в описании программы эксперимента. Про возможность помочь реализовать суицид, естественно, там ни слова. Так что лучше бы не марал меня таким позором. А ты учти: пахнет сенсацией! Начинай скорее журналистское расследование, подключай правоохранительные органы! Если что, я не побоюсь выступить свидетелем на суде по делу аттракционов в «Аркадии», – твёрдо, не спуская с меня глаз, проговорил Павел.

– Ох, уж мне эта «Аркадия»! *Et in Arcadia ego. Et ego puer, pulcher, felix, hilaris — memento mori*, – произнёс я торжественно и протяжно (вышло немного смешно, очень характерно для пьяного бахвальства).

– Илья Вадимович, – перебил меня Дима. – По звучанию – здорово, но вы бы по-русски..., не понятно же ни фиги! Откуда это?

– Это античная легенда. Когда аркадские пастухи и пастушки беспечно играли и веселились на лугу, то наткнулись на могильный камень, где была выгравирована надпись: «И я был в Аркадии. И я был молод и красив, беззаботен и весел – помни о смерти!»

– Но были и другие варианты вместо печального «*Memento mori!*», например, у Тертуллиана: «*Respice post te! Hominem te memento!*» – «Обернись! Помни, что ты – человек!», – с прохладцей примолвил Павел.

Диме этот поворот разговора в сторону античного выпендрёжа явно не нравился. Он почему-то вдруг почувствовал себя мохнатым мамонтёнком Юрского периода, который точит бивни о камень, наблюдая, как два диплодока, с толстой и лощёной кожей, попеременно хватают и жуют гигантские папоротники, издавая какие-то странные сигнальные звуки на своём динозавровом языке. Тут спасительно зазвучали мерные арпеджио композиции «*Stairway to Heaven*» рок-группы *Led Zeppelin* – у Димы зазвонил сотовый. Он, немного наклонив голову вперёд, подобно тому, как птица вытягивает шею во время клёва, энергичными шагами побежал общаться со своим подчиненным в туалет. С сигаретой в зубах семь минут по принципу «компьютер для «чайников» он последовательно объяснял коллеге, как следует поступить в интересующей его ситуации.

Павел Сапрыкин, воспользовавшись моментом, неожиданно вспомнил, что ему пора идти, что сегодня у него запланирован вечером поход с семьёй в театр: талантливый режиссёр – давняя знакомая, молодая женщина тридцати шести лет, поставила спектакль по пьесе Злотникова «Пришёл мужчина к женщине» – увлекательная вещь, комедия характеров. Распирая телом спинку стула и сложив руки за головой, он громко возвестил, что хотел заглянуть на пять минут, а тут просидел в офисе редакции, общаясь с другом, больше получаса. Затем, привстав, попрощался, крепко пожав мне руку, и уверенной походкой направился к выходу. Дима тоже долго не задержался.

Я стал убирать и замаскировывать следы безобидной пьянки в конце рабочего дня. Еле успел до прихода уборщицы. Дотащившись до дома, напоённый вином и необычной информацией, которую тоже не успел переварить, раздевшись, лёг на кровать; о чём-то задумался, и, почувствовав, что Земля всё-таки вертится и что кровать вместе со мной – явное доказательство этой теории, уснул. И проснулся ночью только сейчас под трели грустной песни дождя.

II

Почему так отрезвляюще действуют на меня короткие видеоролики с последними записями Серёжи Ш. (сына одного из моих лучших друзей), для которого жизнь показалась слишком узкой и ограниченной площадкой? Именно тогда, три года назад, я ощутил в себе потребность ходить дозором у этой границы, пытаюсь остановить каждого беглеца, и стал впервые собирать и публиковать материалы о тех, кто так же может спутать время с пространством и перешагнуть через жизненную черту, как через дорожный бордюр. Включив компьютер, сразу ткнул курсором в сохранённую видеозапись: напротив кухонного окна сидел вальяжно расслабленный парень, легко подпирая щеку аристократически тонкими пальцами, и водил по камере рассредоточенным бесхитростным взглядом, а гюрзой сползала с шеи крупная складка плотнотканного свитера. Он говорил туманно и безучастно, словно читал мантру: *«Я отказываюсь выбирать ограниченность вариантов. Я отказываюсь верить в ограниченность вариантов. Я выбираю веру во всевозможность, во вседозволенность... веру в то, что все варианты доступны, веру в то, что всё возможно. Я выбираю веру в то, что всё возможно»*. Переключил на другую запись, тут он сидел в комнате – такой же открытый до опустошения и доверчивый взгляд, хилые обнажённые плечи, и столь же обнажены причины дальнейших действий, растворённые в прозрачном потоке сознания: *«Теперь я понимаю то, что даже если то, что я никому не нужен, или то, что я делаю, никому не нужно, я всё равно хочу это делать. Это важно для меня именно делать то, что я хочу, что я люблю, даже если это никому не нужно. Такая ситуация, в общем... Девушка... Я её полюбил. И меня... гм... Как бы, она сказала, что ей всё это не нужно. И я воспринял это так, как будто бы то, что я даю, ну... на тонком плане, не нужно ей... И... закрыл в себе этот поток. И отсюда появилась грусть и печаль...»* Его тело извлекли из другого потока – потока реки, в сторону которой он вышел в шесть часов утра без денег, телефона и документов, воодушевлённый лишь одной идеей, отражённой в сетевой записи:

«Короче! Время – это ещё одно пространство, и перемещение во времени – это перемещение в ещё одном пространстве, смекаете?;) А вот если ещё дойти до того, что пребывание в каких-то мыслях, чувствах и т. п. – это тоже пребывание в определённых пространствах, а ещё и дойти до того, что в эти пространства можно входить и выходить, то всё вообще огонь!))) просто почувствовать это пространство, осознать его и выйти;) круто же! Ах, да! Всё существует только в настоящем моменте! Я долго трахал себе мозги по поводу – прошлое, будущее, – типа нужно находиться в настоящем моменте... Да всё просто: всё есть настоящий момент, где бы я ни был – он для меня настоящий;) и просто есть какие-то привязки к пространствам;) т.е. есть связанные пространства. Из одного вытекает другое и т.п., или есть желание пребывать в каком-то пространстве и получить нужный опыт, чему-то научиться;) и вдогоночку: можно находить нужные пространства, создавать, генерировать – и все ок!))»

Войти в пространство текучей стихии ему удалось, вот только с обратным выходом ничего не получилось... На его интернет-странице много записей, указывающих на прохождение каких-то онлайн-курсов и интенсив-тренингов «личностного роста», ссылок на группу «Генокод смерти», цель которой – якобы изменить «код смерти». При этом было видно, что посты на стене его персональной страницы часто сопровождал вопросами какой-то куратор: «Что ты понял?», «Что ты осознал?». Однако причастность третьих лиц к гибели Серёжи всё же не удалось доказать...

Теперь я захотел заглянуть, что делается в «В Контакте»; там частенько вычитывал страницы Рунета групп виртуальных самоубийц. Оглядывал быстро страницу за станицей. Чем они живут, как мыслят, что делают – те, кто оказался у черты, у последней черты, те, кто пытался через неё перешагнуть. Взглянувшие на жизнь искоса, мечтавшие об абсолютной свободе – они резали вены, прожигали кожу, коробили поверхность рук зигзагами глубоких шрамов, сладострастно дотрагивались до шеи остриём ножа. Они глотали горсти таблеток, лежали в беспомощности в реанимации, прозябали в психушках, погружались в ужас депрессий, мучились весенней порой от дикой печали и грезили о разделённой любви. Они, прошедшие через ад отчаяния, ревности и предательств, жизненных катастроф и предсмертных кошмаров – они создают себе якоря, цепляясь за жизнь, за укоренившиеся в сознании ценности, за шаткие прутья надежды в болоте отверженности. Кто-то рыдал, кто-то троллил и насмехался над суицидентами, кто-то нервно пытался найти выход из неприемлемой ситуации, кто-то задавал риторические вопросы – просто, чтобы высказаться. Кто-то описывал свои попытки свести счёты с жизнью. Невидимой нитью сшивала слова сквозная тема одиночества.

Но были сообщения и весьма оптимистичные – типа «эх и дура же я была!»:

Александра Полякова

ПРИВЕТ ВСЕМ!!!! Недавно я рассталась с парнем, которого очень сильно люблю, и эта мысль не давала мне покоя. После каждой нашей ссоры я хотела умереть. И теперь, когда обратной дороги нет, пора доставать лезвие... но сегодня мы помирились. И счастлива, и немного стыдно перед всеми дорогими людьми, что хотя бы думала о суициде...

Постоянно встречались выплески негативных эмоций, слёзные жалобы и интернет-рыдания девочек и девушек, у которых что-то не заладилось с парнями. Только что оглядел два таких сообщения.

Celena Gomez

Я всё время плачу, у меня в жизни переполох.

Мой любимый человек бросил меня. Теперь я не хочу жить, да пошла в ж [...] ну эта жизнь!

Вика Семенцова

а что делать если ты никому не нужна, если ты одна в этом мире, если никто не пожалеет, когда плохо, не погладит по голове, не обнимет, не даст совет, если не с кем поделиться, если нет родителей, родственникам ты не нужна; нет друзей – потому что ради любимого ты перестала общаться со всеми, если ты любишь этого человека больше себя, а он постоянно предаёт тебя. ЧТО ТОГДА????????????????????????????????????

И вдруг сильная философская фраза, подобная трагическим перлам мудрости Екклесиаста, произросла на вязкой почве печали и тоски. В этих словах читалась формула мировоззрения людей, взглянувших на жизнь как на пещеру Платона, сквозь потрескавшиеся холодные грани кристаллов фантазий, облепивших наружную сторону реальности, сквозь истаявшую миражную дымку выдуманного счастья, сквозь звенья массивных цепей на шее неограниченной свободы, купающейся в бассейне несбыточной мечты. Поразило высказывание Юлии Ким. Мысль была сформулирована настолько ёмко по смыслу и художественной силе слова, что даже не верилось – так по-взрослому мудро могла высказаться девочка-малолетка:

«Мы все узники своих ошибок, попавшие в клетку с самого рождения. Наши чувства, принципы, дружеские и семейные связи, физическое несовершенство... являются для нас тём-

ной комнатой, из которой нет выхода. Нет ничего в нашей жизни, до чего бы ни дошли сословные разделения. У нас нет равноправия, у нас нет свободы, у нас есть только мораль и норма... И так до конца своей жизни... из клетки в клетку...»

Фраза просто ошеломила меня. Вспомнилась притча Винсента Ван Гога о птице в клетке:

«Есть и другие бездельники, бездельники поневоле, которые сгорают от жажды действовать, но ничего не делают, потому что лишены возможности действовать, потому что они как бы заключены в тюрьму, потому что у них нет того, без чего нельзя трудиться плодотворно, потому что их довело до этого роковое стечение обстоятельств; такие люди не всегда знают, на что они способны, но инстинктивно испытывают такое чувство: „И я кое на что годен, и я имею право на существование! Я знаю, что могу быть совсем другим человеком! Какую же пользу могу я принести, чему же могу я служить? Во мне есть нечто, но что?“ Это совсем другой род бездельников – если хочешь, можешь считать меня и таким. Птица в клетке отлично понимает весной, что происходит нечто такое, для чего нужна; она отлично чувствует, что надо что-то делать, но не может этого сделать и не представляет себе, что же именно надо делать. Сначала ей ничего не удаётся вспомнить, затем у неё рождаются какие-то смутные представления, она говорит себе: „Другие вьют гнёзда, зачинают птенцов и высидывают яйца“, и вот уже она бьётся головой о прутья клетки. Но клетка не поддаётся, а птица сходит с ума от боли... Что же всё это такое – выдумки, фантазия? Едва ли. И тогда спрашиваешь себя: „Доколе же, Господи? Неужели надолго, навсегда, навеки?“ А знаешь ли ты, что может разрушить тюрьму? Любая глубокая и серьёзная привязанность. Дружба, братство, любовь – вот верховная сила, вот могущественные чары, отворяющие дверь темницы. Тот, кто этого лишён, мёртв. Там же, где есть привязанность, возрождается жизнь».

(Винсент Ван Гог, письмо к брату Тео. Амстердам, 9 января 1878 года).

Но только что же случилось с самим Винсентом? Нашёл ли он в жизни глубокую привязанность, братскую дружбу, бескорыстную любовь? Что стало итогом крепкой душевной привязанности между Винсентом и его братом Тео? Безумная попытка Тео уничтожить свою семью. Что осталось от дружбы с Гогеном? Кровавая буря ожесточённых ссор в Арле и желание Гогена хладнокровно «извлечь немалые преимущества из несчастья Ван Гога» после его смерти. Что стало даром любви? Ожог на ладони, поднятой над зажжённой свечой в ожидании ответа от любимой или обрезок уха, подаренный проститутке Рашель? «Но клетка не поддаётся, а птица сходит с ума от боли...». Не раз задумывал Винсент свести счёты с жизнью: когда сговаривался о совместном суициде с художником Александром Ридом, в клинике для душевнобольных, в царстве природы, стоя у мольберта.

Перед моим мысленным взором, как наваждение, попеременно возникают две картины Винсента Ван Гога – «Прогулка заключённых» и «Вороны над полем пшеницы». Я будто ощущаю ладонью правой руки шершавую поверхность холстов, покрытую плотным слоем пастозных мазков. Вижу замурованное мерной кирпичной кладкой пространство, напоминающее гигантскую шестигранную банку-крепость с открытым верхом. Люди, как насекомые, копошатся в этой емкости, написанной цветами проросшей земли. Группа ходит по кругу, неизбежно – по замкнутому кольцу, снова и снова смыкаясь у стен и утрамбовывая шагами камни мостовой. Действия чередуются, развёртываются во времени стадии движений, ритм шагов рикошетит в глухое пространство. Угрюмо шагающие то слегка растягиваются в интервалах,

то теснее прижимаются друг к другу, но не сбиваются с общего ритма. Отпечатками изогнутых зубцов храповика ложатся наземь косые тени. Яркий свет сфокусирован в пустом центре. Но кому до него дело! Поодаль прогуливающих узников в расслабленных позах стоят несколько надзирателей. Их мрачные силуэты не довлеют над группой. Они тоже часть этой системы, только им выделено другое место, откуда удобно безразлично созерцать картину часового механизма однообразных движений. Ряд кирпичей высоко над людьми прерывают одинокие мрачные окошки, похожие на выходы нор огромных червей.

Аллегория прозрачна: стены темницы – грани судьбы, кольцо – символ безысходности однообразного течения жизни. Окна-бойницы – щели, через которые смерть тоскливо глядит на жизнь. А жизнь – в вечном движении: чередуются света и тени, пульсируют оттенки цветов, изменяются повороты тел. Но не выйти за границы узкой площадки между стенами темницы-крепости, не прервать однообразного и монотонного хода. Неба не видно, совсем не видно. Нет свободы – есть только заданная траектория, по которой движутся безликие люди-призраки, люди-тени, люди-узники, люди-рабы. У каждого – строго определённое ему место. Но *«что может скрываться в сердце человека, не имеющего места в жизни?»* *«Печаль будет длиться вечно»*, – произнёс, глядя в глаза смерти, великий художник, который как никто упивался искрящейся солнечной энергией жизни, но сам не нашёл в ней места.

«Вороны над полем пшеницы» – последняя картина Ван Гога. Такие будоражащие чувства контрасты насыщенных жёлтых, золотистых и глубоких сине-голубых цветов, закопчённых примесями мазков чёрной краски, могли возникнуть только в период убийственного отчаяния. Крайне сомнительна для меня версия, что Винсент был случайно подстрелен играющими подростками. Нет, «Вороны над полем» – это реквием в цвете. Тропа, идущая вглубь, словно яростным взрывом разрывается на части – узкие тропинки, утопающие в бурных волнах пшеничного поля. Холодный ветер гонит к горизонту два маленьких облачка. Тёмное кольцо туч беспрерывно сдавливает небесные сполохи. Вороны каркают, в хищном порыве склёвывая пшеничные злаки – яркие плоды жизни.

Конфликт неба и земли – в тонах, цветах, в стиле и настроении – звучит угрожающе. Гармония нарушена! Неожиданно можно обнаружить в линейных очертаниях простого пейзажа схему мрачной физиономии с глазами из двух облачков и носом – дорожкой, утопающей вдали. Давящий мрак чёрных туч всё больше и больше овладевает пространством.

Нет, не могу больше описывать это произведение в прозе. Я ведь видел сон, связанный с этой картиной, и нутром смутно ощущал боль ревущей в комке взвинченных нервов его души и измученного недугами тела, улавливал его страстное стремление разорвать жизненный круг. Поутру я наскоро набросал стих, посвящённый памяти Ван Гога, где отразил испепеляющие ужасом событий впечатления сна.

Боже! Боже! Боже!
Больно! Больно! Больно!
В ветряном просторе
Вороны над полем.

Вороны теснятся
В воздухе упругом.
Под свинцовым кровом
Каркают и кружат.

Сколько ни взлетают
С гиканьем свирепым —
Им, на пададь падким,

Не уступит небо.

Золото колосьев
Клювом разрывая,
Змейкой вьётся, тая,
Стая вороная.

Боль вонзилась в уши,
Боль пронзает тело!
Почему так, брат мой,
Тео, Тео, Тео?!

Путниками жизни
Шли с мечтой прозрачной
В призрачные дали,
В край долины сочной.

Но сгустились тучи,
И в холодной смоли
Лишь одни остались
Вороны над полем.

Заблудился в тропах,
Словно в топи брошен.
Что же, что же, что же,
Боже, Боже, Боже?!

Выстрел в вымя выси,
Поражённой воплем...
Высохшие травы,
Вороны над полем...

—
Просыпаюсь. Утро
В окна смотрит строго,
Осветило тумбу,
Где альбом Ван Гога.

Книги спят на полках,
Зайчик солнца скачет —
У двери хохочет,
А в простенках плачет.

Отчего же только
Вспомнилось невольно:
Синь, бурьян, тропинка...
«Вороны над полем»?

III

На другой день после встречи с Димой и Павлом Сапрыкиным я отправился оглядеть, что же творится в парке «Аркадия», как там идут работы по организации этого злосчастливого комплекса аттракционов ООО «Гильотина». Немного не выспался. Блуждал по закоулкам как варёный, направляясь в сторону парка. День был ветреный, хоть погода и не испортилась. Солнце светило ярко, небрежно кидая снопы света на ершистый тротуар, на павлиньи оперения растений, на сочную, с юным рвением вздымающуюся кверху травку, всколыхнув шаловливым огоньком городские кварталы, пятнами глубоких теней расслаивая в пространстве плоскости стен. Я оделся как назло очень легко. Бирюзовая футболка фирмы «Адидас», стильная чёрная бандана с орнаментом в виде хаотично трафаретных белых букв, мятые, как конфетная обёртка, мутно-синие джинсы «Джек-Джонс» – всё, что спешно натянул на себя, должно было замаскировать мой профессиональный журналистский интерес к этой компании и крупным планом обнаружить вид любопытного зеваки – понурого меланхолика или хлыща (в зависимости от обстоятельств).

Выходя к проспекту дворами, я встретил знакомого старика. Да не то чтобы знакомого в полном смысле этого слова (его имени я до сих пор не знаю, да и о нём ничего не слышал). Но я вижу его каждодневно (а иногда и по нескольку раз в день), проходя этим путём к продуктовому магазину, где продаётся мой любимый свежеспечённый хлеб с семечками – приятный на вкус, мягкий и очень аппетитный, пропитанный солодовым экстрактом и оттого имеющий благородный сосновый отлив. Встречаю старика на этом месте, направляясь на работу, второпях обегая небрежно припаркованные, настырно заслоняющие проход к улице и напоказ демонстрирующие гляцевую поверхность обтекаемых форм автомобиля. Приветствую его во время утренней прогулки по окрестностям соседних дворишков. Летом он расхаживает по крыльцу с деревянной тросточкой в карминово-красной футболке и грязно-синем трико, а иногда появляется в голубом халате с узором в виде спиралек – нелепых обрезков меандра. Я вижу его весной и осенью в спортивных штанах с лампасами и тёмно-синей олимпийке с косыми белыми полосками, цифрой 90 в виде круглой эмблемы на плече. На голове его красуется дребезжащая бисерными нитями серая кепка. А мягкой зимой он стоит в пепельной вязаной шапке, растопырив в стороны ноги, на которые наспех напялены полусапожки с расстёгнутой молнией. Спину греет ему медно-коричневое, местами потёртое до ржаво-пшеничного цвета пальто с овчинной выделкой воротника, его шею овивает сапфировый шарф.

Часто он стоит в задумчивости, горделиво подняв голову вверх и рассматривая верхушки лип и осин, вдыхая во всю мочь широкими ноздрями свежий воздух. В его облике явно есть что-то карикатурное, хитроватое, задорное, шутовское. Густые седые брови словно выгравированы штихелем. На скуластом смугловатом лице крупной лепёшкой набухает волевой, повольтеровски выступающий и гладко выбритый подбородок. Добродушная полуулыбка подтягивает края тонких губ к рельефным, со спело-фруктовой округлостью щекам. Нос, торчащий сапожком, как отполированный, блестит на солнце. Наблюдательный взгляд небольших, напоминающих очертания кильки, серо-голубых глаз шустро реагирует на любое шевеление во дворе: танец ветвей на ветру, веерное движение кроны деревьев, развеску белья торопливой хозяйкой, чудаковатую пингвинью походку местного лысого толстяка, одетого во всё чёрное, резвый и эксцентрически лёгкий бег играющих в футбол пацанов.

Мы с ним постоянно здороваемся за руку. Он всегда задорно играет, импровизирует, потешается. Иногда он, лукаво насмехаясь, выпрямляется по стойке «смирно» и, манерно отдавая честь, расплющив толстые пальцы у виска, громогласно объявляет: «Смирно! Здравия желаю, товарищ полковник!» То, завидев меня, схватив кепку, понарошку, бочком, изображая бег, слегка отходит и как бы испуганно голосит: «Пацаны! Сюда! наших бьют!». То, прежде

чем поздороваться, взмахнёт в шутку палкой: «Стой! Кто идёт?! Не подходи... У-у-ух... я тебя!». Заметив, что иду с сумками, набитыми продуктами, весело подмигивает: «В огород ходил грядки копать?» Чаше он стоит на крыльце подъезда ветхого пятиэтажного дома цвета сухой жёлтой листвы, как часовой на вышке. Цоколь подъезда с короткой навесной плитой торжественно обрамляет толстая кишка трубы теплоснабжения, выкрашенная сильно пожухшей со временем лиловой краской. И это придаёт его гордому стоянию на крыльце оттенок церемониально важного действия. Его фигура поразительно гармонирует с облупившейся баклажановой штукатуркой в нижней части здания, будто редкий антикварный товар, приметно выставленный на прилавке специализированного магазина. Увидев меня, не из интереса, а ради поверхностного общения, внимательно рассматривая, во что я одет и что у меня в руках, старик лаконично спрашивает: «В магазин?», «По хозяйству?», «На работу?», «С товаром?»... И, нежно кряхтя, с умудрённым видом добавляет: «Надо...». Он слился с этой средой старых дворики провинциального города, словно Пан или леший – с лесной чащей. Он не только живёт этой средой – он сам стал жизнью это среды, войдя в неё, пропитавшись ею, как суховатый хлеб пропитывается маслом.

Я пошёл дальше, оглядев эту знаковую фигуру как достопримечательность тихих уютных кварталов, в сторону шумного проспекта, окаймлённого широкими газонами. А затем, проходя знакомой тропинкой в парк, я чуть вздрагивал, отворачиваясь от обдувающего лицо ветра, оглядывал взбудораженную волнами и шевелящуюся упорядоченными складками мехов гармонию поверхность травы, хорошо подкормленной весенними дождями. Приятно радовала глаз пестрота луговых цветов, слышно было перешёптывание листьев кустарников и отдалённое щебетание птиц. Вот небольшой пригорок. Дальше – ровная асфальтированная дорожка, отделённая бордюром от задымлённого и пыльного проспекта. Прошёл мимо парковой чугунной ограды, сплетённой выпреним растительным узором между жёлтыми квадратными каменными столбами, строго выстроенными массивными объёмами и украшенными белыми классическими навершиями. Не сворачивая, я проделал путь, равный примерно одной автобусной остановке.

Вдали стал заметен портик с колоннами – вход. Ну вот: замелькали, всполошились вихреобразным движением линий мощные подпорки, цилиндрические вышки, мачты осветителей; замельтешили вздутыми мускулами монументальных форм аляповато выкрашенные фигуры механизмов для аттракционов. Нет, это уже не просто комплекс спортивно-игровых площадок – обширная сеть моделированных крестообразными металлическими рамками и рейками гигантских жёстких стоек, многоярусных широких платформ, складчатых перекрытий... Установки для аттракционов казались подобиями сказочных динозавров, которые оживали на глазах, неуклюже передвигаясь по прихоти художника—фантаста. За ограду пока не пускали. Видно было, что идут последние подготовительные работы. Работники группировались по пять-семь человек, что-то оживлённо обсуждая. Спецдежда на них смотрелась коллажем, выложенным синими и оранжевыми плоскостями, расчленёнными широкими серебристыми полосками. Чётко читались на ярко освещённом фоне синими клювами-козырьками лёгкие бейсболки, сверкали в калейдоскопе весенних оттенков защитные очки. Послышались крики: «Запускай!», через минуту: «Стоп! Трудно вверх идёт, надо бы разработать. Отключи второй двигатель! Попробуем ещё раз. Чуть назад разверни!» Из шатровых палаток выходили люди, меченные чёрным дресс-кодом, чем-то озадаченные, расхаживающие взад-вперёд по дорожкам комплекса – видимо, администраторы, наблюдающие за ходом работ (а, может, психологи?). Попробуй тут разбери...

Один из них, увидевший, что я приближаюсь к ограде, окликнул меня: – Вам кого тут надо, уважаемый? Сюда нельзя.

На меня смотрел предстательно одетый, как лондонский денди, в элегантный тёмно-серый кардиган и чёрные брюки с заметной стрелкой высокий и худой темноволосый мужчина,

примерно около тридцати лет. Волосы его были тщательно приглажены и зачёсаны назад; лицо квадратное, покрыто местами угревой сыпью; густые брови немного насуплены; нос толстый, короткий, слегка вздёрнутый; взгляд безучастный. Мимика вялая, но чем-то выдававшая скрытое недовольство.

– Да я просто интересуюсь: такие гигантские карусели – круто же! Впечатляет размах, однако. А что тут планируете – просто современные игровые площадки, да? – кося под неосведомлённого и удивлённого простачка, слегка шурясь от солнца, но настырно глядя собеседнику в глаза, проговорил я.

– Здесь планируется комплекс экстремальных аттракционов на базе реабилитационного центра психологической помощи потенциальным самоубийцам, – произнёс он – как отшлифовал.

– Ого! Это уже такая развлекаловка задумана для тех, кто устал от жизни! А вот тем, кто хочет жить ещё интереснее, как быть? Ну просто желающему замутить кровь адреналином, нервишки себе пощипать – к этим аттракционам подойти можно будет?

Я продолжал испытывать его ироничным взглядом.

– Можно, но это заранее обговаривается с администрацией центра. И стоить будет больших денег.

– Это каких?

– Если только возможность участия во всех аттракционах, а кроме того, посещение музеев – «Известные самоубийцы», «Музей казней» – примерно семь тысяч рублей. Точная цена ещё обсуждается. Скажу только, что для простого посещения будут определённые дни и часы. А вот тем, кто замыслил самоубийство, оплачивать надо будет ещё беседу с психологами. Это примерно тридцать – сорок тысяч. Точнее пока не могу сказать.

– Надо же! Экстремальные развлечения так дорого стоят? А зачем с самоубийц такие деньги драть?

– Потенциальных самоубийц. Им в принципе деньги уже не важны. Важнее решить вопрос: жить или не жить? А тут и к жизни тебя вернут, и новые ощущения на аттракционах будешь испытывать, и современные музеи посмотришь. Разве плохо? Работа хороших психологов, механиков, смотрителей, охранников и администраторов (он перебирал все категории, загибая пальцы левой руки, а затем их резко разжал) должна достойно оплачиваться.

– А вы здесь главный?

– Нет, я один из администраторов центра.

– А главный где?

– Зачем он вам?

– Да так, интересно побольше узнать о ваших фантастических машинах.

– Директор занят. Приходите к открытию – первого июня, тогда и узнаете. Подготовительные работы ещё не закончены.

– Просто глянуть на эти любопытные машины не пропустите?

– Не пропустим! Сказал же: приходите к открытию. Что непонятно?!

Администратор начинал нервничать, фразы произносил отрывисто, рывкающим тоном.

– Да всё вроде понятно. Ухожу, ухожу – не волнуйтесь так, добавил я с иронической усмешкой.

– Я не волнуюсь. Я вам объясняю. Приходите к открытию. До свидания!

– До свидания! Постараюсь прийти. Спасибо за приглашение!

А сам подумал: «Чёрт бы тебя побрал! Только бестолку припёрся. Делитова я сегодня, значит, не увижу».

Вот и отправился я расстроенный назад, домой, обдуваемый тем же бодрым весенним ветром, который пару раз срывал с моей головы эту несуразную пиратскую бандану, озорно катая её по упругой траве, а затем перебрасывая к тонким щупальцам кустарника. Небо уже

нахохлилось пышно-кучeryавыми облаками, которые всё больше принимали угрожающий вид обиженных туч. Клинья света растерянно уползали с холмов и пригорков. Ветер, шипя и брезгливо ругаясь с рядами деревьев и кустарников, в левой стороне сливавшимся в густую куцу, стал бесцеремонно хлестать мою спину. Я даже не шёл – почти бежал торопливым шагом к проспекту – понурый, помятый и выпоротый розгами воздушных струй. Чуть замедлил шаг, проходя защитный барьер тихих дворигов, пытаюсь как-то систематизировать бессодержательное месиво свежих впечатлений, и постоянно спотыкался – то о фактурные плиты мостовой, то о щербатый бордю, то о перепады шершавых асфальтовых покрытий.

Ну наконец-то мой смешной пятиэтажный дом – наполовину жёлто-розовый с потемневшей пятнами и осыпавшейся штукатуркой, наполовину краснокирпичный. А вот мой подъезд, с торца которого какой-то креативный шкет намалевал с контурной обводкой на жёлтом фоне сердитую белую кошку, один её глаз обозначен синим, другой – зелёным цветом. А белокаменный забор напротив подъезда украсило ещё одно граффити – крылатое сердце над городом (очень симпатично!). Открываю домофонным ключом широкую серую металлическую дверь и вбегаю через ступеньку по глубоко уснувшей в бархатном полумраке лестнице на четвёртый этаж. Привычным движением открываю грубо выкрашенную красной охрой дверь и, категорично щёлкнув засовом, вмиг пролетая коридор, скинув кроссовки, распластываюсь на кушетке, замкнув руки за головой и повернув её вправо. Ещё не засыпаю, но растворяюсь в этой плюшевой обстановке, повторяя какую-то странную фразу: «Она прошла, меня не замечая...» Что за чепуха? Откуда я это взял? Сумеречное состояние сознания... Я где-то об этом читал. В этом состоянии предельно обостряется интуиция. Чуть... Всё это – чуть... Мелькают переливами рыбьей чешуи обрывки воспоминаний: лица заведённых пьяным угаром бывших одноклассников с недавней вечеринки, их непотрёпанные годами, оживлённые детские фантомы, рабочий стол и кипа бумаг, нудно бубнящие и шуршащие чем-то коллеги, пёстрый карнавал уличных гирлянд... Я засыпаю, немного жмурюсь и притискивая губы, ход мыслей замедляется, только образы-картинки неторопливо чередуются, то проявляясь, то угасая, я засыпаю, расслабив руки-верёвки, я засыпаю...

Сон. Она прошла, меня не замечая...

Она прошла, меня не замечая, как во сне. Я хорошо помню этот сон. Освещённый солнцем тротуар; около нас, сигналив, проезжают на большой скорости автомобили. Вдали – зигзагообразная развязка дорог, извилистая полоска реки, бетонный мост со слононогими опорами, тающие силуэты невысоких холмов с очертанием грациозно танцующих по их поверхности берёзок. Она идёт, спускаясь вдоль обочины узкой улицы. Я иду ей навстречу и зову её: «Наташа! Наташенька! Ната!». Она проходит совсем рядом, близко, очень близко, и не смотрит на меня: безразличное лицо-маска – ни один мускул не дрогнул! Меня как будто для неё нет (я для неё уже труп – и как в воду глядела!). Встань я поперёк пути, она бы так могла пройти ледоколом сквозь меня. Её голову обрамляет светлая элегантная летняя шляпка; она одета в эффектное розовато-красное платье с дробящимися растром белыми узорами. Свободно дефилирующие бёдра легко очерчены тонкими складками, а обута она в бледно-розовые голливудские туфли, у которых сквозь обрезанный носочек нежно выступают пальчики ног с перламутрово-розовыми ноготками. Её стройная фигура топ-модели контрастно выделяется на фоне пышной зелени, отбрасывающей интенсивные тени. Она проходит мимо меня. Я вежливо и настойчиво пытаюсь остановить её. Но она прошла, меня не замечая (или сделала вид, что не заметила?).

Когда я рассказал ей об этом сне, она лишь иронично и как-то неестественно кокетливо улыбнулась, убеждая, что это всё мои страхи, такого не может произойти в жизни. Но ведь произошло, уже произошло! Сон обернулся явью. Не знаю, чего больше в этом акте наигранного, показного безразличия – ненависти, равнодушия или презрения...

Я давно был влюблён в неё, но сблизилась мы только, когда её муж изменил ей и похвастался этим. Мы – люди одного высокого социального ранга. Я – директор строительной фирмы, она – директор модельного агентства. Мне – сорок восемь, ей – тридцать два. Околдовала меня эта прекрасная блондинка с гармонично выстроенным овалом лица, серо-голубыми глазами (в их взгляде можно было легко прочесть все оттенки настроений – от горделивой и злобной спеси до лёгкой насмешки, иронии и добродушной снисходительности), тонко очерченным носиком, романтически-энергичным разлётом бровей, капризно изломанным контуром губ, розовой родинкой у левого края верхней губы и плавно заострённым книзу подбородком. Сохранившая красоту молодости цветущая женщина-менеджер как бы появилась на свет из глянцевого журнала.

У каждого из нас были своя семья, свои дети, свой круг знакомых. Я выстроил для себя стройную, со всех сторон поддержанную жёсткими крепёжными конструкциями систему, где дом и семья – мощная несокрушимая крепость, где работа движется в указанном мной направлении, принося солидный доход, где всё построено на моральных принципах, принятых мною, на позициях, удобных для меня. Даже любовницы появлялись у меня по распорядку. Одна из них умудрилась как-то забеременеть от меня (жена простила).

Но она, моя Ната, неожиданно появившаяся в моей жизни, вдруг нарушила этот привычный мир; невольно и не напрягаясь, взломала его изнутри. И неприступная крепость вмиг рухнула и разлетелась на кирпичики, распалась, разрушилась, как рушатся старые дамбы в буйное весеннее половодье. Я привык всё непосредственно контролировать в своей жизни. На работе не доверял заместителям: один – безответственный разгильдяй и пьяница, другой – себе на уме (кажется, мошенник или плут). Она по-своему журила меня: нельзя замыкать на себя всю деятельность фирмы, надо уметь распределять работу между замами и сотрудниками, разыгрывая рабочий процесс как по нотам, чтобы чувствовать себя уверенно и вольготно, как в свободном плавании, в этом проектно-документно-человековороте: наладил механизм, подкрутил гаечки – и отпускай на время ситуацию.

А я не могу не быть абсолютным хозяином всего в своей жизни и на работе: мне надо думать за всех, во всё вникать целиком, самому проверять и просчитывать всё, подчинённым давать служебные указания непосредственно, лично следить за каждым, настоять, чтобы все решения принимали только с моего ведома. Мне надо было всех удерживать на мобильной связи, все мосты мыслей, идей и действий работников фирмы состыковать с извилинами своего мозга; всех до единого, обвивая матрицей корпоративных команд, втянуть в производственный процесс. Но что-то пошло не так, где-то закралась ошибка... Я ещё сам не понял, где... И огромная ноша, к которой я привязал всех и себя стальными канатами, вдруг резко накренилась и сдавила мне горло, протащив меня по корявым склонам обрыва и опрокинув в глухую прорву.

И это уже не сон. Она прошла, меня не замечая, будто я – ноль, будто я – никто, вытяченный ишии, будто никогда не было меня в её жизни!

Вспоминаю, как мы отдыхали вместе на море. Мы прониклись друг другом, как сплетаются ветви и корни близких деревьев. Лазурные пряди волн; песочные лунки, как серебристо-лимонные кратеры Луны, отполированные солёной водой и телами с шоколадным загаром; пряный аромат русской баньки, шашлыки и фрукты; прогулки вдоль кипарисовых аллей... Боже! Как же мы были счастливы, как нам хорошо было вместе!

Бывало, её раздражало моё чрезмерно собственническое чувство к ней. Она пыталась ускользнуть, вырваться из-под моей опеки. Но я строго следил, чтобы она занимала заранее отведённую ей нишу в наших отношениях: не захотела бы скрыться и не могла бы нарушить мои семейные устои. Как-то я подарил ей навороченный сотовый телефон и просил никогда его не выключать. Её муж случайно обнаружил его и ударил Наташу по лицу наотмашь этим телефоном. Со своим мужем – пьяницей, драчуном и гулёной моя возлюбленная быстро развелась. Я приглашал её в лучшие сауны города, снимал номера в гостинице, водил в лучшие рестораны, оплачивал работу лучших фотографов для её агентства. Я использовал однокомнатную квартиру, оформленную в качестве делового офиса фирмы, для встреч с ней.

Она брезгливо ворчала: «Всё здесь чужое! Кто я для тебя?! Нам нужна своя квартира, а не задрипанный офис. У тебя для этого достаточно средств» (так она полагала – неблагоприятная женщина!). Я досадовал: «Ты же знаешь, я не могу развестись: дети не поймут, жена не переживёт...». Что бы я ни делал, ей всегда было мало. Она иногда говорила мне, ерепеньясь, с раздражённой миной, сквозь зубы: «Всё у вас с женой чинно-блинно: «Котик мой!», «Лапочка моя...». Вместе ходите в театр, нравоучительные беседы с детьми, приёмы друзей и родственников, вечерний променад... Какая милая парочка – просто на зависть всем! Сплошное лицемерие, ложь, фальшь – фу, как противно!!!». Я пытался убедить её, говоря как на духу, что в отношении к ней у меня нет ничего распутного, срамного, циничного, ничего грязного, скабрезного, низкого, бл [...] дского (в конце концов!), что я её по-настоящему люблю... Бесплезно! Только одни упрёки. Я неловко искал компромисс, пытался юлить, хотел выкрутиться из неприятной ситуации, бесконечно обещая познакомить с некоторыми своими родственниками и близкими друзьями, каждый раз находя какие-то наивные отговорки и стыдливо объясняя, почему не могли происходить встречи с этими людьми. Она же истерично, озлобленно, с негодованием, даже с бешенством, постоянно обвиняла меня во лжи, в подлом предательстве. Её растущим запросам и требованиям трудно было угодить.

И вот я, цепеня от ужаса, обнаружил, что дела в моей фирме резко идут на убыль, что конкуренты активно перехватывают выгодные заказы, что я уже не в состоянии расплатиться с кредиторами, что долги на мне всё больше повисают, как летучие мыши на ветвях фруктовых деревьев в жаркую южную ночь. Я стал особенно мрачен, рассеян и угрюм. Я хоть и называл её колдуньей за умение прогнозировать события, предсказывать наперёд, что, с кем и как произойдёт, за сильную волю и интуицию; но сквозь шоры собственного эгоизма она совсем не замечала, что я нахожусь в катастрофической ситуации, постоянно обижая

ясь, что я недостаточно уделяю ей внимание, что не удовлетворяю многие её запросы. Она явно была убеждена в том, что я больше страдаю от своего лицемерия и скупости.

Но однажды я решил порвать с ней, не только с ней – со всей своей жизнью, утопив груз неразрешимых проблем вместе с собой (но об этом пока молчок!). И объявив ей о разрыве связи, я в сердцах высказал всё, что думаю о её неблагодарности, о том, что она ничего не ценит, а только оценивает, что ей капризы важнее любви, что она жуткая эгоистка... – словом, много всего; даже ощутил какое-то облегчение при этом. Спустя несколько недель, я намеренно не поздравил её с Днём рождения (а она ждала хотя бы моего звонка, очень ждала – и злилась на своего зама, который подолгу занимал служебный телефон).

И вот произошло то, что произошло. Потом она, нервно вздрагивая, увидит меня во сне с безумно-выпученными глазами, с синюшными пятнами на лице и теле, молчаливо (как бы сатанея оттого, что лишился дара речи), нахраписто, ярко, свирепо наваливающимся на неё всей тушей и больно сдавливающим её руки. А ей, сконцентрировавшей все силы, удастся, грубо отталкивая меня, освободиться от смертельного охвата (проснувшись как в судорогах, она сразу поймёт, что случилось). Потом я не раз буду являться в сновидениях то ей, то её подруге (которую резко отругал, что настраивала Наташу против меня). Потом я во сне продемонстрирую ей альбом своих старых фотографий, размытых белыми полосками слёз и просеянных набухшими стёртостями и орешково-чернильными подтёками. Потом она впервые зайдёт в мой дом (на поминки) и впервые увидит мою жену, на которую будет искоса и со скрытым негодованием поглядывать – полноватую невзрачную женщину с насупленными чёрными бровями и носом, подобным маленькому птичьему клювику. А услышав разговор о том, что я якобы сделал роковой шаг, будучи психически нездоровым (страдая то ли депрессией, то ли шизофренией), ей захочется отстоять мою честь от клеветнических нападок родственников, чтобы никто и никогда не опорочил моё имя словами о сумасшествии... Всё это будет потом... А сейчас по пепельному бархату сточенных зубьев камней, по шербатому сизо-серому асфальту она прошла, меня не замечая...

Меня разбудил похожий на залиvistый младенческий крик телефонный звонок. Сколько времени уже? «Половина шестого», – деловито подсказали мне стрелки настенных часов. Ужас! Я проспал 3 часа подряд и даже не обедал. Подобный приторному малиновому конфитюру слащаво-кряхтящий голос редактора сообщил мне, что известный в городе руководитель строительной фирмы покончил жизнь самоубийством.

– Я подумал, что это тебя заинтересует. А что у тебя голос какой-то вялый и неуверенный? Спросонья, что ли?

– Так, задремал немножко после прогулки по парку. А как это случилось?

– В гараже. Он взял для этого специальный строительный пистолет для забивания крупных гвоздей и всадил себе в сердце огромный гвоздь 6 миллиметров на двадцать сантиметров. Из семьи у него осталась вдова и двое детей. Есть ещё внебрачный сын.

– А какую-нибудь предсмертную записку он оставил?

– Стандартную для таких случаев: просил никого не винить, а друзей — позаботиться о семье. Правда, поодаль, у стены гаража, нашли ещё какой-то сильно измятый сальный клочок тетрадной бумаги, где корявым почерком едва проступают сквозь маслянистую поверхность слова: «Она прошла, меня не замечая». Я тебе краткую информацию и ссылки на источники сбросил на твой электронный адрес. Можешь ознакомиться. Не забудь, за тобой должок: статья на второй полосе и две заметки на третью полосу следующего номера.

– Помню я, помню, доделаю – сразу оформлю материал.

IV

Я принял информацию к сведению. Уточнить подробности решил завтра. А сейчас меня потянуло к суицидентам из групп в социальной сети, захотелось посмотреть, что нового делается у них там, «В Контакте».

Только я вошёл в сеть, как выплыло сообщение от Димы. Ну, конечно! Чего ещё от него ожидать?! Он такие рекламные объявления всем друзьям рассылает:

«Доброе время суток, друзья!!! Я рад сообщить вам, что в нашей компании «Евросеть» сейчас и только до конца декабря действует скидка в пять (!!) тысяч рублей на телефон при покупке в наличный и безналичный, а также в кредитный расчеты! Мой контактный телефон – 8910... и 8905... звоните в любое время, всех готов проконсультировать! С уважением, Дима))

P.S. это не спам, мою страницу не взломали. Если ваш телефон у меня есть, я вам отправил то же самое по смс.»

Поспешил удалить рекламное объявление, потом залез в группы.

Что здесь нового? Нет, это просто невозможно читать спокойно: пишут, что хотели бы умереть, радостно взявшись за руки. Созывают друг друга для акций массового суицида, полны какой-то бесовской решимости себя уничтожить, как если бы уничтожили старую надоевшую фотографию или стёрли информацию с заезженного диска. Да какая же им польза от таких акций? Не так страшно, что ли? И решительности для совместного уничтожения своей жизненной программы больше, и настроение улучшается – мол, вместе веселее... Самоистребление людей и то происходит коллективно. Стадный инстинкт – некуда деться!

Катерина Тоомпуу.

Мне 19, не хочу больше жить, кто хочет со мной закончить жизнь? Я из Санкт – Петербурга, могу приехать в его пригороды.

Алёнка Фомина

А причина какая? Из-за парня?! Или в семье проблемы? (не отвечает)

Лера Радченко

И со мной. Анапа

Борис Гречухин

и со мной. Москва...

Маргарин Михалыч

Я тоже не хочу жить ((((((

Инесса Маханько

я тоже с тобой хочу умереть... но я живу далеко (((((((((
а здесь есть кто-нибудь из Берёзовского?????

Йоринда Колодезникова

Я хочу умереть, потому что не понимаю, зачем я вообще живу в этом мире? Ради чего? Чтобы есть любимые шоколадки, что ли? Мдее..., никому не нужна я ...иши нах всё это – учеба и т.д... Якутск

Анастасия Остапенко

Я ТОЖЕ ХОЧУ УМЕРЕТЬ! Возьмите меня с собой!

Екатерина Воробьёва

Есть кто с Воронежа или области?

Наталья Цветкова

а из Нижнего?

Владимир Николаев

я хочу умереть! Меня тоже

Всё это ужасно, невообразимо дико! Похоже на массовое помешательство, на варварский обряд, на приступ бешенства, спровоцированный стадным инстинктом. Нет, это не паника. Они хотят умереть весело, словно в спортивной эйфории играя в эстафету – кто быстрее, чтобы почувствовать азарт, как если бы прыгали с парашютом, заранее зная, что он не раскроется. Они и не хотят задумываться о причинах. Для них давно всё решено, нет вопроса о жизни и смерти, это не обсуждается. Духовные ценности, как им кажется, безвозвратно утрачены. Они измотаны и морально, и физически. И главное уже – с иступлённым ликованием, без оглядки, безбашенно преодолеть последнюю черту. Их сейчас занимает только дерзновение опрокинуть полную чашу жизни на скатерть судьбы, чтобы брызги фонтаном разлетелись по сторонам, окропляя мёртвой водой вчерашние невзгоды. Нашлась циничная строка чёрного юмора: *«Чем больше самоубийц, тем меньше самоубийц».*

Вопрос, зачем умирать, для них уже неактуален. Важнее технология – как, каким способом это сделать: падение с высоты, разгон на автомобиле, виселица, резание вен, снотворное, таблетки... Идиоты! Подробно описывают в сети смертельную дозу медицинских препаратов (нитроглицерин, никотин, инсулин, хлорид калия, парацетамол, кофеин ...), обсуждают способы их приготовления и то, как будут разрушаться при этом внутренние органы, как сделать, чтобы реанимировать было уже поздно. И всё это преподносится как кулинарный рецепт, которым каждый может воспользоваться. То, что за этим – страшные мучения самоубийц и изломанные судьбы их близких, их совершенно не волнует.

Вот нашлось интересное определение:

Анна Трофименко

Самоубийство — это когда просто надоело искать выход. Или нет сил на поиски...

Ещё один афоризм:

Серж Неизвестный

Суицид — это не выход, это – добровольный уход

А что тут о причинах? Непонимание со стороны близких людей... Представляю эксцентричную худощавую девушку-неформалку в контрастной одежде стиля «эмо», с розовыми бантами, мрачно-тоскливо сидящую перед монитором, погружённую целиком в ход собственных мыслей, несдержанную в эгоистическом самоутверждении, беззастенчиво сообщающую

о своих проблемах и нервно огрызающуюся, отвлекаясь на виртуальный диалог. Претенциозные излияния гнева и любви одновременно, жалобы на нехватку родительского внимания (далеко не худший вариант, адекватность восприятия окружения сохраняется). Порочный круг: формальная забота родителей – отстранённость ребёнка, пресыщенного дорогими подарками и лишённого человеческого тепла в семье – наркотики – депрессия – суицид.

Trash Кафетка

Депрессии 2 раза в каждый сезон, например, в начале весны и в конце, в начале лета и в конце, в начале осени и в конце, а зимой вообще ужас — там перерывов не бывает. Раньше вены резала постоянно, но не очень сильно, в некоторых местах ещё остались шрамы. А в последние полгода не могу себе позволить резануть, т.к. в наркотики на учёте состою, а там каждый месяц проверяться надо. Руки палят, значит, на ногах скоро вскрывать начну... (

У меня никогда не было проблем с родителями, ни за что нормальный человек из-за такой ерунды не станет с собой что-то делать, подростки ждут от родителей понимания, доверия и уважения, а если у кого-то родители забили на детей, или алкаши, живут на работе... — ребёнку нужна просто родительская любовь! Мне родители говорят: «Мы тебе всё покупаем, всегда денег даём, чего тебе не хватает?» Ё [...] ный в рот! Мне любви вашей не хватает! Я живу больше полгода без предков! А когда и живу вместе, и то не вижу их совсем! Хорошо ли я учусь, плохо ли, им по херу, им главное, чтобы я не позорила семью! А если и позорю, то сразу же выговор!

Бля, из-за того, что про моих предков сказали, что они на меня забили, я свою мастачку и замдиректора на х [...] послала и сказала: «Когда вы сдохните, я умоюсь вашей кровью!» Какими бы предки ни были, я все равно их люблю, но мне нужно их внимание! А к психологам я не стану ходить, они меня сразу за ненормальную посчитают!

Мучается девочка-подросток, которую вывела из равновесия потеря близкого человека – мамы, а опоры в любимом парне она не нашла:

...Я хочу умереть, потому что я потеряла самого близкого мне человека... – маму, она умерла 3 месяца назад, в 14 лет мне сломали жизнь... У меня постоянные проблемы в школе, я ничего не хочу, я никому не нужна... Есть один человек, я его люблю; а я для него просто друг, лучший друг.. (...за мои сраные 15 лет мне уже столько пришлось пережить, что больше нет сил терпеть...)

Возник ещё один виртуальный персонаж. Наплыв жизненных неудач, чередующихся одна за другой. Конфликт с окружением – мизантропия и аутизм. Дезориентация – и в жизни, и в собственной личности. Резкие перемены: всё рушится, ничего построить не удаётся, ошибка а за ошибкой...

Коралина Безсмертная

Ребята, а что делать, если жить не хочется? Поступила в универ на первый курс, журналист. А людей просто ненавижу и боюсь. Поступила потому, что люблю писать))) В школе меня ненавидели: выделялась — красилась ярко, одевалась в чёрное, по правилам не жила, но всегда прекрасно училась. А потом мне стали девушки нравиться. Влюбилась в подругу, призналась. Моя жизнь пошла под откос. Мама еще ушла из семьи, а недавно меня девушка бросила))))))))))

Это просто поверхностно... Не буду углубляться в суть... Главное – жить не хочется.

А тут уже случай куда серьезнее – и вывод намного более осмысленный.

Денис Смирнов

Всем привет! Меня зовут Денис, мне 20. Я хотел бы вам кое-что рассказать из собственной жизни

5 лет назад меня впервые посетила мысль о суициде. У меня в жизни тогда был очень тяжёлый период. Любимая девушка (мы встречались с ней 3 года) предала меня. Через какое-то время я это пережил, хотя было очень тяжело, но это не самое страшное... Через несколько месяцев после этого мои родители погибли в автокатастрофе...!' – (И в этом мире у меня больше никого не осталось. Я не мог пережить всего этого и твёрдо решил: я должен последовать за родителями. Мне было всё равно, КАК умирать, лишь бы умереть поскорее. Я надел на шею петлю и... Через несколько часов очнулся в реанимации. Оказывается, что входная дверь в квартиру была закрыта на замок, а запасные ключи были у моей бывшей девушки. Она каким-то образом узнала о смерти родителей и в тот день тщетно пыталась дозвониться до меня. У неё было плохое предчувствие; и она, конечно же, сразу поехала ко мне. Естественно, я не мог открыть ей дверь (да если бы и мог, не открыл бы, наверное), так как уже был без сознания. Поэтому она открыла дверь ключом. Обнаружив меня в таком состоянии, она вызвала скорую; и меня вовремя спасли. До сих пор я нахожусь на учёте в психдиспансере, хотя попыток суицида у меня больше не было. Я просто живу... Я, наверное, больше не хочу умирать. Не скажу, что в моей жизни появился какой-то особый смысл. Но теперь я ХОЧУ ЖИТЬ, я хочу найти достойную девушку, пожениться, хочу детей, семью. Прошло уже 4,5 года, и я только недавно понял, каким я был придурком.. ((

Сейчас я учусь в университете, работаю и мечтаю о счастливой жизни.

Ага, а вот наивная попытка глобально осмыслить причины – дескать, неправильная политика властей всему виной. Грандиозные планы: найдём корень зла, затеем революцию, переустроим мир – и всё будет в ажуре, будем жить богато и счастливо (юношеский максимализм!).

Hannibal Lecter

Причины суицида: 1. бедность — вечная и главная причина. 2. человек делает не своё дело в жизни, что есть следствие ущербности общественного устройства, как, впрочем, и №1. Всё. Прочее — редкие и специфические причины, что можно сказать о любом факте в истории человечества. Таким образом, в итоге причина политическая. Устранив бедность и конструктивно выстроив общество (государство), для чего необходимо взять власть, мы решаем проблему суицида, как, впрочем, миллион других великих проблем.

Вдруг вклинился в полосу голос суицидента-любителя или профессионального садомазохиста, сразу узнаётся почерк – убивать себя ради спортивного интереса и никогда не доводить дело до конца.

Антон Брыдня

Суицид для меня – это хобби, сам себе я наношу только раны, близкие к смерти, а вот смотреть на других интересно.

А... Ну наконец-то снова экзистенциальные темы пошли... И сразу же прилив волны отчаяния, тоски, безнадежности в цепи жизненных неудач, ощущение потерянности в скопище циничных, равнодушных и безучастных людей, в сплотке остервенело брыкающихся слепых толп. Заговорили об одиночестве. И опять меткие афористичные определения:

Антон Брыдня

Одиночество – это когда нет даже зеркала, с которым можно поговорить.

Анастасия Силенсер

В моём понимании одиночество – это лес из живых людей, которые не слышат твоих криков о помощи, которые не видят, как тебе плохо, и которые идут по тебе, твоей душе, с умиленной улыбкой...

Денис Васильев

Боже, как я вас всех понимаю! Депресуха тоже где-то 10 лет. Не было года без мыслей о суициде. Вешаться пробовал 4 раза, это когда ноги медленно опускаешь и петля на шее. Но больно. И живёшь ведь, надеешься на что-то. Всё тянешь и тянешь с суицидом. Думаешь: может, жизнь получше станет. А так оглядываешься в прошлое, понимаешь, что ты пожизненный неуд и не будет никакого чуда. И уже не будет ничего хорошего в жизни. Сейчас думаю: надо как-то решиться с этим окончательно. Да и усталость реальная, да и уже желание как-то исчезает заставляя себя дальше жить, да и зачем...

Танюшка Славич

Все говорят о каком-то смысле жизни... Лично я его не вижу... А в чем для вас смысл жизни? Видите ли вы его вообще?

В разговор вмешалась девушка, пережившая суицидальное настроение, и обрывочными фразами, нервно-заикающимися строками призывающая других не делать непоправимых ошибок. Правда, её голос так и остался гласом вопиющего в пустыне.

Ирина Лозовская

И у меня это было... А сейчас жалею... Думаю, зачем мне это надо? Жизнь продолжается... Люди! Не делайте глупостей... Подумайте о стариках... Задумайтесь... На своём опыте проверено... Ну и дебилы... Вы точно олухи... Подумайте о близких... Жизнь еще не кончена... Не вы её давали – вам её дали родители... Значит, не вам её отдавать... А вы говорите фигню... Дебилы... Только натуральные дети могут сказать это... Выход есть всегда... И это не суицид... Подумайте...

Валерий Кулаков

А если она на хрен не нужна? Если нам читали сказки, в которых обещали, что есть любовь, что есть счастье, что есть дружба, а оказалось, что этого нет! Зачем жизнь, когда живёшь только воспоминаниями, когда всю ночь пьешь кофе и куришь, а днём забиваешь время всякой херотенью, чтобы только забыть о боли? ... В чём смысл такой жизни?

Выход есть из любой ситуации. И этот выход – суицид...

Один раз резал вены. Периодически (раз в полгода примерно) бывает суицидальное настроение, когда невыносимо хочется убить себя...

Айдар Сатыбалов

Суицид – выход, т.к. некоторым людям не везёт всю жизнь (как мне), и они устали искать все пути к дальнейшей жизни...

На вопрос «Что для вас означает суицид?» ответила

Анастасия Силенсер

Для меня он означает физическое устранение и обретение желанного покоя...

И уже категоричное заявление:

Александра Радченко
Каждый имеет право на смерть...

Попробовали эти ребята поиграть в ассоциации. Результат ошеломляющий – лишь через несколько постов переход от дуба (толстовского символа жизни) через смерть к свободе.

Антон Дубакин
Давайте сыграем в такую игру: кто-то пишет слово, другой пишет первую ассоциацию, которая пришла к нему на ум. После чего пишет своё слово. И так по цепочке)

Вардан Степанян
ДУБ

Олег Окунев
Старость

Вадим Калашиников
Морицины

Кристина Миронова
Лебедь

Антон Дубакин
Чёрное озеро

Наида Магомедова
Мрак

Анюта Полякова
Могилы

Екатерина Серова
Смерть

Лена Лазоренко
Свобода

И снова о свободе...

Света Мингинос
Свобода – это рай, как никто его не знает.
У меня свободы нет, одно мучение и всякая ерунда, всё достало!!!

И в самом деле – достало. Всё! Хватит на сегодня, спать ложусь. Ну сколько можно... Так совсем крыша съедет... А статью и заметки лучше завтра с утра, на свежую голову, напишу...

Сон. Голос заключённого

Тремя ярусами сложены нары. Кровати шатко стоящие, как на ходулях, громоздятся перекошенными строительными лесами. Убогие ячейки составлены равномерно чередующимися досками-шпалами. Здесь невыносимо душно! Тонкие матрасы, войлоковые одеяла в красно-жёлтую полоску, пожелтевшая до тропического загара штукатурка, битумно-зелёного цвета стены; щели закрывают развёрнутые листы газетных вклеек... Толстые металлические прутья ограждений с винтовыми нарезками, хмурые прямоугольники окон с напминающими траурные ленты брусками рам и тёмными очертаниями клетчатых решёток, брутально выпяченные квадратные столы, выстроенные в ряд одной широкой полосой... Полосатые звенья чугунных батарей отопления, полосатые ряды кирпичной кладки, чёрные роботы... Здесь всё полосатое, клетчатое, прочное, коряво-кубическое, мрачное, мутно-земляное! Какая жуткая камера, как здесь душно! На свободу хочу!

Поначалу я спал только ночью, но это продолжалось лишь первые две недели. Да и не уснёшь тут ночью толком. Как вампир в гробу! Из-за свербящей зубной боли начала ужасно болеть голова. Клещи взяли нас ночью мучить, как будто сговорились с надзирателями. Камера у нас забита до отказа. Рассчитана она на 16—18 человек, а сидит 25. Кто-то храпит, точно хрюшка после водопоя, кто-то отжимается, кто-то играет в нарды, кто-то нервно жестикулируя, разговаривает... Дышать нечем! Никогда не думал, что буду гулять и в летнюю жару, и в зимнюю стужу, и в прохладный осенний дождик, и в весеннее цветение — в клетке, как обезьяна.

Переболел туберкулёзом, имею травмы головы и позвоночника, сломана левая ключица и левая лопатка. Не хватает нужных мне лекарств. В тюрьме пошла эпидемия потницы, люди начинают загнивать, а выдают мазь от чесотки и вшей. Кормят здесь чаще ячневой кашей, называемой в обиходе сечкой (каша сухая, без жира), и ухой. Холодную как ледышку пищу с мерзким пойлом дают один раз в сутки, в разные временные промежутки. С «боем» выклянчиваем кипяток в вечернее время, и это удаётся далеко не каждый день... Говорят, наглость — второе счастье. Использую его, чтобы добыть кипяток, это для меня стало первым счастьем. С диетпитания, в котором дают нормальный кусок масла и кислый компот, меня сняли, как только стал набирать минимальную норму веса (61 кг при росте 182 см). И за несколько месяцев я снова превратился в дистрофика! Сейчас дают каждый день 20 грамм маргарина, иногда заменяют его растительным маслом, а куриное яйцо — через день. А вот молоко я видел за 3 года только 2 раза. Хорошо, что в последнее время иногда картошку стали давать, а не кислую капусту, как раньше. За прошлое лето из свежих овощей дали 50 грамм огурца. Он совершенно не горчил! Я запомнил тонкую светло-изумрудную мелкопупырчатую кожицу, как бы высвеченную изнутри зеленовато—белёсую внутренность и сытный пресный вкус, утоляющий жажду. Этот кусочек для меня стал настоящим подарком!

Так подумаешь — а много ли надо человеку? Здесь я ощутил невероятную радость от удовлетворения самых элементарных потребностей. Уже воспоминание о том, насколько вкусным был хлеб, помазанный тонким слоем маргарина, заставляет тело легко дрожать, язык в этот момент ощущает приятный маслянистый и сладковатый привкус. В камерах нет питьевых бачков (пьём воду из унитаза). Стены не побелены со времён царя Гороха. Хоть бы веник, ведро и половую тряпку иногда убратсья дали! Так и этого не дождёшься, всё замызгано грязью и присыпано пылью, а под шубой пыли приятно чувствуют себя только постоянно прописанные насекомые — клопы, пауки и мокрицы. Гвозди рубим из проволоки, а щели замазываем глиной. Из-за плохой проводки и изоляции часто бывают пожары... Да что со мной?! Дыхание спирает — жуть просто! Нечем дышать, совершенно нечем! Душно мне, душно! Только бы один глоток свободы — и ничего больше не надо!

При обысках творится полнейший беспредел: людям, находящимся в камерах, попросту плюют в душу. Надзиратели в сапогах расхаживают по чистой постели, ходят по тетрадям, письмам и фотографиям, раскидывают чистые вещи. На производстве у нас происходит много травм, так как всё оборудование уже давно устарело, да и специалисты из нас как из говна котлеты. Зимы очень холодные, морозы достигают до 52—55 градусов, поэтому много обморожений... Сейчас весна, нужно питание и лечение в борьбе против туберкулёза. А на зоне нет лекарств, и питание так себе, хреноватое.

Ну да ладно, хватит гнать – прожил бы и на баланде, только бы были лекарства и человеческое, а не скотское отношение. Существует у нас на зоне ЕПКТ-1 (единое помещение камерного типа), куда свозят нарушителей режима. Осенью, зимой и весной температура в камере не выше 10 градусов. В морозные дни выгоняют раздетыми на холод, беспричинно пускают в ход резиновые дубинки, в камеры заливают концентрированный раствор хлорки. Больных туберкулёзом 1, 2, 3, 7 группы диспансерного учета держат вместе со здоровыми людьми; у одного просто идёт горлом кровь. Смотреть на это страшно! Неужели и я так же закончу свои дни?! Пропихнуться бы, вынырнуть из-под гигантских прессующих тисков тюремной жизни, разорвать давящие путы и рвануть на свободу!

Из-за того, что мы так оторваны от цивилизации, родственники практически навещать нас не могут, да ещё весной и осенью закрываются дороги, и посылки не принимаются по два месяца. Однако же месяц назад нам крупно, просто необыкновенно, повезло. Был благотворительный концерт. Нас привели под строгим конвоем в зал тюремного клуба. На высокой сцене выступали дети. Милые и вертлявые девочки в голубых и алых сарафанчиках, белых сорочках и косынках, а пацанята – очень забавные, резвые, курносые, в ярких и разноцветных рубашках. Сквозь тюлевую ткань сочился нежно-сиреневый свет с малиновыми переливами. Чем строже и серьёзнее старались держаться дети, тем наивнее и смешнее выглядели со стороны их попытки казаться взрослыми. Пели, немного сбиваясь, протяжными тоненькими голосами, слегка выкрикивая последний слог. Иногда они переглядывались и шёпотом переговаривались между собой. При этом кончик носа у них как бы приподнимался по-кроличьи, глазки лукаво щурились, а бантики-губки то сворачивались в трубочку, то растягивались в открытой, беззлобной и задорной улыбке. Лица такие светлые, умилённые, радостные, сияющие свежестью и непосредственностью!

И так вдруг мощно пахнуло свежим воздухом другой жизни, другой – беспечной, беззаботной, вольной, раскованной, раздольной, непринуждённой, не отягощённой и не сдержанной ничем! Эта жизнь раньше принималась нами только крохотными порциями и была для нас доступна исключительно в виде золотисто-белёсых переливов весеннего полуденного света, который нахально размывал светло-радужными сплетениями симметричную конструкцию оконных решёток и жонглировал солнечными зайчиками, разбегающимися вдоль хмурых стен камеры. И мы догадывались по этим пятнышкам отражённого света, как густо и широко зацвела весенняя зелень, какой пронзительной синевой задьшило ясное небо. Но в этот день мы оказались так близко к самому существованию головокружительной свободы! И только переводя взгляд друг на друга и на кованые силуэты конвоирующих, мы понимали, что безнадежно разделены мрачной тюремной чертой от свободной жизни. Но чувство, что свобода рядом, её можно ласкать глазами, мысленно гладить, лелеять, вдыхать полной грудью — это чувство так разбередило душу, что уже просто невозможно так же терпеливо и безропотно вести себя в этих застенках, как прежде! Как душно! Душно и тяжело! Как дико, как безумно хочется свободы!

Я стараюсь общаться здесь больше с умными людьми, читать книги, когда есть возможность. Иногда веду дневник, записывая карандашом на блокнотике то, что пришло мне на ум, что случилось за день, что пережил. И осознаю, что я стал уже терять терпение, дожидаясь конца срока. Вдруг мысль придёт в голову: ну не может же так быть всегда,

перетерпеть бы всё это; когда-нибудь перевернется и на моей дороге «Камаз» с пряниками... А потом понимаю: не видать мне никаких пряников! Кнут тебе вместо пряника — и это до конца жизни! Как же здесь душно! Душно здесь, душно! Нечем дышать! Да выбейте же на хрен эти окна с ржавыми решётками! Задыхаюсь — мне очень душно! Как душно! Как безумно хочется свободы!

— Эй, дробь шестнадцатый! Дробь шестнадцатый, — я сказал! Что, опять в ШИЗО захотел, или давно твою спину резиновые дубинки не гладили?! Смотри, как бы и правая лопатка ненароком не треснула! Совсем ох [...] ели, выродки! Я вас научу родину любить!

V

Матовый утренний свет за окном марлевой пеленой укутал ближайшие строения и хаотично рассажённые деревья. Маленькие дворики поплыли, точно облака по светло-зелёному «небу» нежного растительного покрова. Утренний туман, рассеянный чистый дневной свет так гармонировали по ощущениям с пуховой подушкой, к которой я прочно прилип щекой! Я тихонько начал ерзать телом, неохотно поднимаясь с кровати. «Да..., – сказал я себе. – Да... Уже зеки стали сниться. Всякий бред в голову лезет...». Вяло напевая, проглатывая отдельные слова и полумурлыча—полубулькавая, я пропел вполголоса лермонтовские строки:

*«Отворите мне темницу
Дайте мне сиянье дня,
Черноглазую девицу,
Черногривого коня.
Дайте раз по синю полю
Проскакать на том коне;
Дайте раз на жизнь и волю,
Как на чуждую мне долю,
Посмотреть поближе мне...»
Та-ра-та-да-та-да-та...*

Легко позавтракав, я лихо, на одном дыхании сочинил статью под названием «Гвоздь в сердце» для газеты «Пульс города». Да и что тут могло быть сложного?! Всю ситуацию я уже интуитивно прочувствовал изнутри. Материалы, которые мне прислал редактор, в принципе, ничего не могли дополнить, разве что прибавляли к увиденной внутренним взором картине некоторые несущественные детали. Принялся после за заметки, тоже особо не напрягаясь. Одна заметка была посвящена трагедии двух четырнадцатилетних школьниц-подружек, живших в одном доме и подъезде, а потом спрыгнувших с крыши 16-этажного дома, оставивших своим родителям коротенькие предсмертные записки с признаниями в любви и просьбами помнить их, а также разноцветные картонные сердечки, бусы, игрушки и фруктовый чай. Другая заметка о самоубийстве заключённого в колонии общего режима: парень тридцати двух лет умудрился повеситься на мочалке; по словам сокамерников, он резко и по-детски чувствительно стал реагировать на ужесточение условий содержания под стражей.

Огорчённо повёл я глазами по строкам информационной статьи в интернете:

«Согласно статистике, в России ежегодно совершается около 55 тысяч самоубийств. Первое место занимает самоповешение, второе – отравление, причем по нему женщины обгоняют мужчин. Далее следует применение холодного оружия, падение с высоты, применение огнестрельного оружия (в основном у мужчин) и утопление (у женщин).

Количество самоубийств в России растёт ежегодно примерно на тысячу человек. Из каждых 100 тысяч населения ежегодно по своей воле уходят из жизни около 40 человек. Это даже больше, чем гибнет от рук убийц – около 30 человек на 100 тысяч.

Кстати, по данным Всемирной организации здравоохранения ООН, 20 самоубийств в год на 100 тысяч считается критическим порогом...»

На ходу дожёвывая свежий огурец, я обильно омыл лицо холодной водой, привычными движениями вычистил зубы, после чего сибаритски, нога за ногу, уселся на диван, охватывая

руками колени и обмозговывая, насколько профессионально сработаны материалы для печати. В итоге я пришёл к выводу, что статья и заметки составлены вполне прилично (в самолюбование ощущал себя даже в состоянии рефлексии библейского Творца: «И увидел Он, что это хорошо. И было так»). Поторопился одеться и отнести мои новые сочинения в редакцию.

Редактор – радушно улыбающийся седоволосый и лысоватый толстячок шестидесяти трёх лет, с лицом, напоминающим округлые кочки, густо растущими бровями, узким разрезом глаз, наружные края которых несколько стянуты книзу, мясистым носом, двойным подбородком и пухлыми щеками, которые шарообразно раздувались у него во время разговора, как у трубадура, принял меня весьма дружелюбно. Я рассказал ему о том, что затеял журналистское расследование, связанное с аттракционами фирмы ООО «Гильотина». Он неторопливо закурил, откинувшись назад в широком кресле, мощным крупом со скрипом чуть продавливая и покачивая его спинку. Затем, обстоятельно вникая в суть дела, спросил:

– А как тебе удастся доказать, что такой аттракцион, который привёл бы в действительности к смерти, напоминающей естественную смерть, вообще может существовать?

– А слова Сапрыкина?

– Это несерьёзно. Хозяин фирмы ответит, что просто вёл философский спор. Надо бы тебе посмотреть какие-нибудь технические аналоги для начала. Ведь наверняка кому-то в голову уже приходила идея замаскировать машину для самоубийства под аттракцион, или что-то в этом духе. Поройся в справочниках, в интернете. Что-нибудь да откопаешь.

Я подумал: «А ведь, в самом деле, толковый совет».

Придя домой, обшарил виртуальное пространство интернета. Нашёл много интересного. Вот, например.

«Литовский дизайнер Юлионас Урбонас спроектировал американские горки, которые позволяют легко, безболезненно и красиво уйти из жизни.

Технические характеристики. Протяжённость: 7544 м. Высота подъёма: 500 м. Высота спуска: 510 м. Время подъёма: 120 с. Время спуска: 10 с. Максимальная скорость: 100 м/с. Количество колец: 7

Максимальные перегрузки: 10 g. Время перегрузок: 60 с. Время в пути: 200 с.

Принципы действия. Вагонетка на эвтаназийных горках медленно поднимается на полукилометровую высоту, после чего стремительно падает и последовательно проходит семь петель. Двигаясь главным образом за счёт силы гравитации, она доводит человеческий организм до перегрузки в 10 g, которая становится фатальной. Максимальные перегрузки на обычных американских горках составляют 4–6 g, а их продолжительность не превышает нескольких секунд.

«Идеальные американские горки – это когда вы отправляете на них 24 человека, и все они возвращаются мертвыми. Знаете, это ведь можно устроить» (Джон Аллен, бывший президент Philadelphia Toboggan Company, старейшего из ныне существующих производителей американских горок в мире)

Ощущения. Перегрузки в 10 g испытывают лётчики при выполнении фигур высшего пилотажа. Человек, который подвергается таким перегрузкам в течение продолжительного времени – а на эвтаназийных горках речь идёт о целой минуте, – поначалу испытывает эйфорию. При этом в свободном падении вагонетка вращается по вертикальной оси, проходящей через сердце, в результате чего достигается эффект анестезии, сглаживающий последующие негативные эффекты: у человека перед глазами появляется «серая пелена», зрение становится туннельным,

то есть периферийное отказывает, затем отключается сам человек (так называемая G-LOC, потеря сознания от перегрузок), и наступает смерть.

По замыслу дизайнера конструкция может использоваться как для эвтанази, так и для гуманной смертной казни. Автор признаёт, что американские горки не являются оптимальной машиной для убийства с помощью перегрузки – центрифуга была бы гораздо эффективнее. Однако американские горки выигрывают с эстетической точки зрения».

Другие материалы не имели отношения непосредственно к аттракционам, но сообщали о том, что люди работают над машинами для самоубийства. Ну, к примеру, здесь:

«Австралийский сторонник эвтанази Филип Ничке объявил во вторник о том, что он изобрел специальный аппарат, позволяющий человеку совершить самоубийство с помощью угарного газа», – сообщает AFP. Изобретение предназначено для тех, кто желает уйти из жизни, не прибегая к медикаментам. Филип Ничке подчеркнул, что его аппарат стоит всего 56 долларов и обеспечивает лёгкий конец тому, кто вдохнет токсичный газ, надев на лицо специальную маску. «Презентация аппарата, разработку которого профинансировала одна американская фирма, состоится в следующем месяце в Сан-Диего (штат Калифорния)», – сообщил изобретатель. Он пояснил, что некоторые кандидаты в самоубийцы опасаются прибегать к помощи медикаментов, считая этот способ ненадёжным. В июле этого года Ничке уже привлёк к себе внимание, заявив о том, что он приступил к выпуску пластиковых пакетов с верёвкой: завязав её вокруг шеи, можно легко покончить с собой. По словам австралийца, его новое изобретение может удовлетворить тех, кто боится задохнуться в пластиковом мешке. Аппарат будет предложен людям, состоящим уже больше полугода в группе Exit (организации, выступающей за право человека на добровольный уход из жизни) и участвовавшим хотя бы в одном её семинаре».

А тут о деятельности самой общественной группы «Exit»:

«2.04.2009 / GZT.ru Тренировочный справочник для группы гидов для самоубийц „Exit guides“ попал в руки полиции города Феникса (США). В нём содержатся подробные инструкции для тех, кто обучает других, как убить себя посредством вдыхания гелия. В справочнике также содержалась информация о том, каким образом расположить необходимые для самоубийства предметы и какое положение тела принять, чтобы труп выглядел как при естественной смерти. Полиция изъяла документ при обыске дома одного из членов группы во время расследования самоубийства женщины. После этого четыре человека были арестованы. „Exit guides“ общались с клиентами через сайт Final Exit Network. „Члены группы „помогали“ людям со смертельными заболеваниями и душевнобольным“, – пишет Associated Press».

Об этом же инциденте <http://www.infox.ru>:

«Полиция США задержала четырёх организаторов интернет-сообщества Final Exit Network. Их обвиняют в том, что они помогли совершить самоубийство 58-летнему Джону Келмеру. Четырём организаторам интернет-сообщества Final Exit Network полиция предъявила обвинение в содействии суициду. «Активисты советами помогли

58-летнему мужчине из штата Джорджия свести счеты с жизнью», – сообщает Associated Press. «Наставники» рассказывали, где приобрести баллоны с гелием и чехол, который члены сообщества называли «мешок для уха». С помощью этих вещей предлагалось безболезненно совершить самоубийство. Полиция арестовала четырёх человек. Томас Гудвин, который был идейным лидером сообщества, и одна из членов — Клэр Блер была арестована у себя дома в Северной Джорджии. А власти города Балтимор задержали медицинского консультанта сообщества доктора Лоуренса Эгберта. За решётку попал и Николас Шеридан — координатор группы интернет-самоубийц в этом городе. Задержанных обвинили в содействии самоубийству Джона Келмера, попытке скрыть этот факт и вымогательстве. Пока неизвестно, сколько всего смертей числится за этим сообществом.

«Он сам этого хотел». Джон Келмер распрощался с жизнью в июне 2008 года. Его мать Бетти Келмер объяснила, что он страдал от рака гортани и рта и проходил курс лечения, связанный с рядом болезненных операций. «Он был в депрессии и звонил мне каждое воскресенье. Он сам хотел умереть», — добавила Келмер. Она отметила, что с самого начала сомневалась в естественных причинах смерти, однако другие родственники отвергали возможность суицида. Женищина также сказала, что необходимости обвинять членов интернет-сообщества за помощь её сыну нет — ведь он сам этого хотел.

Цена самоубийства. По версии следствия, вступая в сообщество, новый член вносил плату за участие в размере \$50, после чего получал доступ к материалам сайта. Когда участник был готов совершить самоубийство, ему выделяли двух помощников, которые руководили процессом».

Следовательно, идея строить бизнес на суициде давно блуждает в головах людей. Пустыри и лощины запретных мыслей быстро становятся обиталищем, словно выведенных из прожжённой дрожжевой браги, бактерий душегубных идеологий, которыми кормятся стаи предприимчивой саранчи. Мысли об эстетически совершенной смерти преподносятся недалёким и усталым от забот и нерешённых проблем, от тоскливого быта, падким на эффектную упаковку людям с многократно вылинявшими от жизненных невзгод убеждениями, как грязный мазут, переложённый в коробку из-под торта с бантиками выющихся розовых лент. Изошрённые продукты извращённой фантазии – машины «гуманной» и «красивой» смерти, как навозные мухи с радужными крылышками, плодятся в чадно бурлящих человеческих умах. Таково было и создание Жозефа Игнеса Гильотена – «мадам гильотина», которую он считал высокогуманным способом казни вопреки возражению палача Сансона, утверждавшего, что после отсечения головы жертва нескольких минут все ещё находится в сознании, ощущая неопишемую боль в отсечённой части шеи. Ныне добровольная смерть стала предметом тайного торга. Нажиться на усталости выносить душевную боль и физические страдания, во что бы то ни стало добиться реализации идеальных мошеннических планов – с этими целями предпринимается попытка стать чистоплотным киллером или грязным циником.

Я решил хорошо подготовиться к встрече с Делитовым. Надо было посоветоваться с медиками и техническими экспертами. Ни чертежа, ни схемы «американских горок» Делитова у меня не было. Раздобыть бы фотографию этих «американских горок», чтобы получить хотя бы поверхностное заключение специалистов, какую опасность для человеческой жизни «горки» объективно могут представлять. В зону аттракционов меня бы, наверно, не пустили с фотоаппаратом – слишком много охраны. А может, стоит попробовать? Опасно – если при-

мелькаюсь, меня уже не пустят или же расколют, что не из праздного любопытства я этим интересуюсь.

Позвонил я знакомому кардиологу, который когда-то работал в фирме по изготовлению медицинских приборов. Спросил: «А могут ли представлять опасность для жизни американские горки, и при каких условиях их технической конструкции опасность может быть максимальной?». Тот отшутился, ответил с иронией, что всё может представлять опасность. Жить тоже вредно для жизни, но другого выбора нет. Я всё же перевёл тему на серьёзный лад. Он чуточку растерянно стал утверждать, что плохо знаком с этой проблемой, но вроде бы были случаи инсульта при катании с горок, правда, очень редкие.

– А какая конструкция могла бы усилить опасность аттракциона? – не отставал я.

– Уж не собрались ли вы изобрести аттракцион для самоубийц? – сразу со стороны моего собеседника послышалась саркастическая реакция с прихорхатыванием. Я вздрогнул, ошеломлённый на редкость прозорливими его догадками, в корне искажающими цель моего поиска. Состояние у меня было, будто я нёс плотно закупоренный сосуд с чесночным маслом, а он где-то треснул, и содержимое ёмкости мгновенно стало для всех до безобразия заметным и отталкивающим. Моё лицо омрачила реакция сдержанного гнева, лоб немного вспотел: мне не нравилась такая пронизательность, которая могла бы заставить меня рассекретить для посторонних планы журналистского расследования. Но я тут же взял себя в руки.

– Нет, отдаю должное вашему чувству юмора. У меня созрела идея написать разоблачительную статью об опасных для жизни аттракционах, чтобы предотвратить возможные трагические случаи гибели и увечья людей.

– Это правильно. У нас ведь нет никаких медицинских норм и правил эксплуатации аттракционов. Я так представляю, – заметил он заторможенно, что если, допустим, в какой-то момент времени будет резкий перепад скорости, активное ускорение – какие-то две-три секунды – и давление в сосудах резко возрастёт. Это, конечно же, очень опасно. Количество витков, их высота и уклон... – да всё имеет значение. Я сразу не готов ответить... Мне надо хотя бы просмотреть материалы, а так – что я могу сказать? Общие слова только.

– А по фотографии игровой конструкции можно какой-то вывод сделать?

– Что-то сказать можно, но надо же и знать какие-то кинетические особенности – скорость, равномерность движения, фазы ускорения и торможения и так далее.

Я поблагодарил собеседника и попросил о возможности повторной консультации, когда на руках у меня будут конкретные данные. Он автоматически согласился. Окунулся я снова в поиски и набрёл на заметку, содержание которой никак не могло меня удовлетворить, так как там излагались аргументы не только не подтверждающие возможность получения серьёзных травм при эксплуатации экстремальных аттракционов, но даже наоборот, свидетельствующие о безопасности их массового использования. Оказывается, по статистике, смертельные случаи на аттракционах случаются с вероятностью один к 250 миллионам, из 270 миллионов ежегодных посетителей парков за медицинской помощью обращаются 7000 человек, или 0,00259% катающихся. При этом, как считает автор материала, многие из них виноваты сами, пренебрегая правилами безопасности. Хорошие козыри в лапы моим противникам, надо сказать! Что я этому противопоставлю? Пересказ разговора в дружеской компании? Так скажут – клевета, интриги конкурентов, сплетня, да ещё в суд подадут иск о защите чести, достоинства и деловой репутации коммерческой организации. Редактор прав, надо искать что-то посерьёзнее. Есть, правда, там небольшая, но существенная оговорка (этот участок текста в распечатке я прокрасил толстым бледно-розовым текстовыделителем, информация подтверждала слова моего консультанта):

«...технология современных аттракционов опережает представления современной науки о том, как ускорение действует на организм человека. Когда за пару секунд скорость вагонетки увеличивается до 80—100 км

в час, давление в сосудах резко возрастает, и это может серьезно повредить здоровью. Эксперты отвечают, что да, опасность есть, но только для больных людей. Потому нужно строго следовать всем предупреждающим надписям».

Ну и про наше русское «авось» там не забыли. Указали, что в России кататься на каруселях опаснее, чем в других странах мира: нет единой системы лицензирования и сертификации аттракционов, правил их эксплуатации, страхования катающихся. Так, так... (я внимательно вчитывался в последующий текст, обводя глазами каждую строку), а есть всё же неплохая зацепка:

«По последним данным московской инспекции, каждый четвёртый аттракцион в столице опасен для жизни. Особенно это касается колёс обозрения, американских горок и батутов. А теперь еще одна „хорошая“ новость: многое из того, что в Москве признали опасным, тихонько едет катать детей и родителей в другие города нашей большой страны».

Я понял, что с насюка тут ничего не сделать, надо собирать по крупицам необходимые сведения, заготавливая про запас острые факты и комментарии, вылавливая зубастых пираний из мутной интернет-воды, из журнально-газетного вороха и швыряя их в пруд противника. Стал обдумывать план, последовательность действий, с чего начать, как добиться результата и так далее. «Первым делом, – подумал я, – обязательно попробовать сделать несколько фотоснимков этих «Американских горок». А вот как раздобыть технические инструкции по эксплуатации, проектную документацию и прочие необходимые бумаги? Завести дружбу с техниками? Но меня и близко не пропустят к их бригаде. К разговору на эту тему рабочие отнесутся с резкой неприязнью. Чего и гляди – сдадут охранникам как шпиона. Попробовать самому поиграть в суицидента, чтобы стать непосредственным участником этой ситуации? Идея, и неплохая идея! Но дорого уж больно. Хотя игра стоит свеч. Обязательно надо поговорить с этим Делитовым. Может, представиться учёным-психологом, интересующимся подобными методами снятия стресса? А почему бы и нет? Что ещё я могу? Что? Что... Проследить за состоянием посетителей? Установить скрытые камеры? Рискованно, наверное. Придётся вести тщательные наблюдения. Если частного детектива нанять? Опять деньги... Нет уж, спасибо, сам как-нибудь разберусь.

В этой смутной беседе с самим собой чёткий план так и не созрел. Мне трудно мобильно организовать – я знал этот грешок за собой. Часто действую спонтанно, по интуиции. Понадеялся, что и на этот раз она меня не подведёт.

И снова я, словно делая привычные гимнастические упражнения, прошвырнулся по соцсети. На этот раз моё внимание «В Контакте» привлекла исповедь парня о личных проблемах. Решил последовательно склеить разрозненные посты... И вот что получилось.

Деня Михайлов

...Детство тяжелое... Тазобедренный сустав лечил... К родителям сильно хотел, постоянно замкнутый... 8 лет по больницам... родители навещали раз в три месяца... откуда мне знать было, что от такого длительного депрессивного состояния могут проблемы возникнуть в будущем со здоровьем... Как сейчас помню: отец уезжает, а я за ногу вцепился и реву сизю...

В 14 лет я вернулся домой... Впрочем, с 7 лет до 21 года я был по-настоящему счастливым... Больше такого чуда не повторится, я думаю...

Я тоже бухал... несмотря на то, что мне и пить-то нельзя... А вот вчера подстригся, сегодня помылся, приделся, подушился, сел на велик (машина сломалась да и напоминает о старом) ... Поехал по городу, заехал в магазин, купил реально — кефиру! ... Поехал в парк...

как обычно, ничего примечательного, как будто жизнь прекратилась... Выпил кефирчику, покурил (надо бросать это гиблое дело) ... Поехал к подруге друга, поговорили, покурили... Она сказала: «Какой ты нарядный!»)) ... В общем, я уже перестал добиваться её сердца, она теперь стала для меня не той девочкой 15-летней, которую любил в 2005 году... Она выросла... А недавно сказала, что очень мне благодарна, что без меня у неё бы по-другому жизнь сложилась... Ну хоть кому-то от моего пребывания в этой жизни хорошо стало... Будем плыть дальше... Вот только за здоровье обидно, кажется, что никому не нужен теперь, самооценка занижена... Дима, улыбайся и будь спокоен, твоё время ещё не пришло...

...Когда я шлялся лет семь назад с друзьями один, то мне просто было — ну там встречался с девчонками по полгода... Я думаю, сейчас бы оттого, что был бы до сих пор один, было бы не очень хорошо... А когда полюбил в 2005 году, — всё! Хотел реально с этим человеком всю жизнь провести... тем более, что, как это редко бывает, мы с первого взгляда друг другу понравились... А уж то, что вместе стали — так она сама первая шаг сделала... Вывела на улицу на моё 18-летие, сказала, что я ей нравлюсь, потом поцеловала и тут же изменила своё решение на «Люблю»... Оттого и больно сейчас, что ей на работе вскружил голову какой-то прибывший с армии чувачок... 6 лет было нормально всё, а тут эта ВСД... Я вот её как личность любил, и если бы с ней что-нибудь произошло, я бы от неё не отходил... Короче, и так, и так плохо... Из сердца не выкинуть, так как начало встречи, я считаю, было слишком громким.

...А у меня, знаешь, как получилось... Вика захотела ко мне вернуться... Но я уже был с Мариной, которую познакомил со мной друг лучший... И вот, значит, в силу любви, так сказать, я снова потерял голову в отношениях с Викой, которая раскаялась, сказала, что болезнь — это не главное, главное — то, что она меня любит и то, что никому теперь меня не отдаст... Неделю я был счастлив, всё простил ей и т.д... Понимаешь, что Марину отшил, друг отвернулся, с квартиры съехал. Вообще по хер было, что обо мне люди скажут... И вот, значит, через неделю Вика опять изменила своё отношение ко мне... и пипец... Заново все переживаю...

И вот думал, как мне доверие к людям вернуть... Короче, это просто оказалось... надо улыбаться почаще!!! Привет, привет! Ну за пивком ещё можно сгонять.

...Короче, Дима... одно понятно точно... Лучшие в этой жизни ни на что не надеяться... Я вот, к примеру, уже убедился, что каждый сам за себя, и что человек как «Личность» уже не ценится... (я имею в виду людей, которые нас видят, а не читают в интернете) ... Надо просто плыть по течению... Ведь когда-то тоже всё произошло спонтанно... Вот и сейчас всё должно быть спонтанно, и искать бесполезно... Ты не один, нас таких много... Хотя мне и жаль... Вернуть бы лет 15 назад, я бы по-другому прожил.

Вот я, например, легко бы пережил потерю своей девушки за какое-то время, если бы не прогрессирующее нервное заболевание сосудов головы... У меня приступы головокружения каждый день... виски свинцом налиты... тяжесть в правой стороне... А она устала и ушла после 6-ти лет как вместе... Мне есть смысл ждать собственную смерть, если присутствует как душевная, так и физическая боль, от которой я сам устал?

Наверно, нужно на себя со стороны смотреть, как будто я — это незнакомый мне человек... Тогда можно будет управлять собой, как пешкой... Хотя, нет)) Если так смотреть, то легко можно наблюдать его полет с высоты многоэтажного дома...

...Странно всё это... жизнь... В детстве я страдал без родителей, которые редко навещали... Жил одними мыслями о доме... В голове только одно — «Папа, мама, папа, мама»... и вот в 14 лет чудо произошло... — просто утонул от счастья, что вот я дома и потерял голову: друзья, знакомства, первая любовь — очень сильная... Казалось бы, вот оно — счастье... 6 лет жили со своей маленькой девочкой душа в душу, свадьбу планировали... И бац! На работе вскружил ей голову абсолютно такой же, как я, человек... Ну далее по традиции... «Не люблю,

прости, ухожу...» И вот сейчас такой же депресняк; как в детстве тосковал по родителям, сейчас тоскую по ней... Только вот разницу теперь понимаю, что надежда жить с родителями не умирает, а надежда быть снова с любимой реально улетучилась...

...Да, я думал о суициде, но совершил бы его только в том случае, если б знал, что переселение душ существует... После самоубийства хотел бы быть именно тем парнем, который увёл мою девушку к себе... Это бред, конечно... Но ведь сколько людей, столько и жизней... Я считаю, что жизней всегда на одну больше, чем смертей... Даже если на земле останется один человек...

Потому как человек сначала рождается и уж потом умирает...

С ума сойти, вот человеческая судьба – в дантовых метаниях (муки ада – чистилище – рай – изгнание из рая, да не на землю, а в новый ад!) – пробирает шибко! Человек страдает сначала физически, потом получает моральную компенсацию, ощутив себя счастливым в любви, а после шести счастливых лет, перенеся первый моральный удар, не сдаётся, пытается создать новый мир отношений с другой девушкой. Но тут всё возвращается на круги своя. Появляется она – изменщица, а с ней – надежда на жизнь в раю, ради неё уничтожает казавшийся умеренно-благополучным проект своей жизни, переворачивает её вверх тормашками, упиваясь иллюзиями, рвёт связи с близкими людьми – все мосты сожжены. И снова душа лелеет иллюзию счастья. И снова измена! Он шёл за нитью Ариадны, но она вывела в тупик. Однажды испытал настоящую радость, юноша хотел бы восстановить утраченную гармонию, но вместо этого полный разлад в отношениях – и с собой, и с миром. Он пытается увидеть ситуацию со стороны, чтобы найти и осмыслить выход, но видит лишь безвозвратный полёт отчаявшегося человека, сорвавшегося с крутой высоты. В этой жизни его уже ничего не держит, и тогда остаётся лишь надежда на новую, запредельную жизнь, где теоретически возможно счастье. Но какой представляется ему жизнь после жизни? Он мечтает о переселении душ, однако согласен переселиться лишь в тело счастливого, который отнял у него любимую. Желая похоронить себя, он хочет воскресить старую надежду, обмануть судьбу, прихватив и на тот свет груз неразрешённых проблем. Ему нужна не смерть, а воскрешение мечты.

Обнаружил ещё одну грустную историю, на сей раз – откровения девочки-подростка: смерть родных и друга, предательство близких людей, сильная безответная любовь, 6 попыток суицида – и всё это в пятнадцать лет. И определение одиночества – неожиданное, мудрое: одиночество приравнивается к растворению своей индивидуальности в толпе... Но даже после этой колючей металлической цепи страшных душевных драм она нашла в себе силы жить. И находится она постоянно в состоянии мысленного диалога с другими, и в то же время говорит: «Доказывать нужно не другим, а себе. Докажите себе, что вы сильные...». Что же это, что?! – Отчаянная борьба с судьбой, или настолько сильны корни древа жизни, что ветви сломанного ураганом ствола начинают покрываться зелёной кроной и плодоносить? Что же это? Как это могло случиться, почему полную чашу страданий до дна испил преждевременно повзрослевший ребёнок? Неужели и в пылающем аду есть крохотные островки, сохранившие прохладу? И там, где потеряна надежда, тоже есть жизнь.

Елизавета Багян

*Всем Привет!) * Вот моя история*

В 11 лет у меня умерла мама от рака груди, через месяц умер дедушка, а через год – прабабушка. Папы у меня нет с детства. Живу с бабушкой, с которой невозможно жить... – плывет день и ночь...

3 года назад меня предал лучший друг, с которым дружила 8 лет... ещё через полгода предала лучшая подруга, с которой 6 лет дружили...

2 года назад у меня умер друг, который был мне как брат, даже что-то большее...

В тот момент мне казалось, что я тоже скоро умру... – маньяк какой-нибудь прирежет на фиг – и всё... Невозможно было терпеть эту боль, когда уже боль ничем не убить и слёз не осталось...

Мне казалось, что всё это я не смогу пережить, но я смогла..)

У меня были попытки суицида, 5 из них – несерьёзные... меня что-то останавливало, а в шестой раз ничего не остановило... 2 недели под капельницей хорошо меня помучили...

Насчёт любви: у меня была очень давно когда-то детская любовь, которая длилась 6 лет... После этого я 2 года не могла никого полюбить..., а потом так неожиданно влюбилась... и до сих пор люблю...

Первые 3 месяца моей влюблённости были такие: в 6 утра ложусь спать, в 8 уже встаю... ничего не ем, пищу принимаю один раз в день, и то насильно... И в тот момент меня просто прорвало, я рыдала истерически, раз по 6 в день... захлёбывалась...

Потом со временем истерики прекратились, и начался ад... Просто ком в горле, который не вытравить ничем... Сигареты помогают на один вечер... На следующий вечер всё то же самое... Как бы смешно это ни звучало, это как будто любовь всей моей жизни... Готова отдать полжизни, только чтобы хоть минутку побыть в его обществе. Не говорю о том, чтобы обнять его или поцеловать, просто посидеть рядом и услышать хотя бы одно слово... Но такой минутки никогда не будет...) Хочешь – убивай меня... хочешь – даже медленно и мучительно..., главное – чтобы, когда я умирала, я видела твои глаза...

Я до сих пор Люблю этого человека до безумия...

Просто не могу никак разлюбить, мне противны все другие, кроме него... Не могу я даже ни с кем целоваться, мне так противно становится, и я сразу его представляю... Пока не разлюблю, новая любовь не придёт...

Мне через месяц будет только 16 лет – и когда мне говорят, что в моём возрасте не может быть проблем, я просто молчу... Доказывать что-то — это глупо) тем более, когда никто не слышит)

В толпе можно потеряться – это и есть одиночество...

*Народ:**

*Доказывать нужно не другим, а себе. Докажите себе, что вы сильные, и что вы сможете всё, чего бы это ни стоило вам! Чтобы душа могла сказать с восторгом: «Да! Я всё-таки могу! И плевать на всех!». Я понимаю, как это больно; сердце, кажется, уже не будет биться... но в отличие от других сердце бьётся до конца) * Удачи вам:*
Я В ВАС ВЕРЮ! ПРАВДА! ДУШОЙ С ВАМИ! ВСЁ ПОЛУЧИТСЯ, ГЛАВНОЕ – ВЕРИТЬ ДО КОНЦА, ДО ПОСЛЕДНЕЙ КАПЕЛЬКИ... Я ВСЕГДА ПЫТАЮСЬ НАЙТИ ЛЮБУЮ НИТОЧКУ, ЗА КОТОРУЮ МОЖНО УЦЕПИТЬСЯ, ОБЕРНИТЕСЬ И ВЫ. МОЖЕТ, И РЯДОМ С ВАМИ ЕСТЬ ТОЖЕ ТАКАЯ НИТОЧКА)*

ТЕРПЕНИЯ ВАМ! ДЕРЖИТЕСЬ! ЕСЛИ ЗАХОТИТЕ ПООБЩАТЬСЯ, ПИШИТЕ, ВСЕГДА БУДУ ОЧЕНЬ РАДА.**

Другое сообщение, которое я прочёл, очень странное, замкнутое в себе. Причины не раскрываются, в пунктирах слов лишь обнаруживается следствие. Юная русоволосая девушка с растерянной улыбкой прощается с миром и просит других не идти по её стопам. Сама процедура прощания – помесь безнадежной тоски и страстного альтруизма... И никакой надежды, никакой возможности остановить, удержать, затормозить, заставить оглянуться на этом участке дороги с крутым уклоном вниз...

Вероника Тимоцик

Суицид...

За и против...

Я против суицида, но я за то, чтобы меня сбила машина, пырнули ножом, обрушился балкон.

Я выбрала день. 13 июня, это будет мой день рождения и смерти

Я не буду рассказывать и ныть о том, что же меня подтолкнуло к этому шагу, могу сказать лишь одно... Я давно уже не вижу смысла в этой жизни, по многим причинам, и несчастная любовь здесь ни при чём.

Если бы можно было бы, то я с удовольствием бы отдала свою жизнь какому-нибудь умирающему ребёнку...

Ребят... но знаете... не делайте этого...

Подумайте о родителях, которые даровали вам жизнь...

Да и вообще...

Прощайте...

Стоп! Увидел ниже знакомую фамилию. Да, всё правильно – Константин Свербицкий, Нижний Новгород – его фото на аватаре, его анкета... Да, это он, он работал у нас в редакции, совсем ещё молодой парень, это он пишет:

Константин Свербицкий

Согласен, Вероника! Суицид – не выход, выходом может стать планирование суицида – вот что... Себя убивать нельзя, другое дело — подстроить собственную смерть... Да, это лучше! Намного лучше... Только бы найти способ! А сам будто к этому и не причастен... Это так же, как случаются несчастья в жизни, только тут они достигают своего пика, своего апогея, забирая твою жизнь вместе с её неразрешимыми проблемами, вместе с твоими нестерпимыми страданиями, вместе с дикой безнадёгой!!!

Меня уже год мучает онкологическое заболевание. Всё бесполезно... Химиотерапия не помогла – только ходить из-за неё стал, хромая. Одну операцию уже перенёс, тоже бесполезно – метастазы... А что дальше – крыша поедет от наркоты, глюки, дикие боли? Трамадол, трамал, реланиум... Потом уже морфий. Не хочу! Не хочу!!!!!!!!!!!! Хочу умереть быстро и красиво...

Отыскал номер его мобильного. Звоню – абонент недоступен... Отключён! Надо найти его домашний! Быстро хватаю, нервно листая, телефонную книгу. Сначала несколько раз пролистываю страницу с его номером. Немного успокоившись, с полминуты без движения сижив на диване, наконец, нахожу нужный телефонный номер. Уже ночь, пол одиннадцатого – поздно звонить? А... Плевать! Набираю номер, нетерпеливо жду, когда закончатся длинные гудки и кто-то ответит. Не отвечает... Спит уже, наверно... И тут через минуту звонок. Сработал определитель. Он мне звонит! Я взял трубку.

– Олё, Илья Вадимович, здравствуйте – звонили? – Его голос звучал очень тихо, с хрипотцой, вместе с какими-то невнятными полужвуками-полустонами или междометиями, что-то напоминающее «у-м-м-м—в-о-м—в-в...» (или нечто подобное).

– Костя! Костя! Здравствуй! Что с тобой происходит?! – быстро и энергично кидая слова, как бросают дрова в деревенскую печь, спрашиваю я. – Держись, Костя! Будь мужчиной, будь мужиком! Не сдавайся!

– Это вы о чём, а? Узнали о моей болезни? Откуда? У-м-м-м—в.

– Только что прочитал твой пост в группе «Суицид – за и против». Костя, так нельзя! Не всё ещё потеряно! Возьми себя в руки! Есть ведь ещё методы лечения онкозаболеваний! Рак – не приговор, Костя! Есть ещё возможности, Костя! Можно ещё операцию провести... Кинем клич в интернете – кто-то поможет, откликнется на чужую боль. Не может быть иначе! Не думай о суициде! Прошу: оставь эту мысль!

– Да что вы, Илья Вадимович... Это я так – написал просто. Но от рака всё равно никакой панацеи не придумано, знаете же. Вы понимаете, как тяжело испытывать постоянную боль, быть сосредоточенным на боли, даже если пытаться чем-то отвлечься. Гхм-хм-у-у-в-о-м-м-в... Жить в мире боли, причём твёрдо зная, что лучше уже не будет, а только ещё хуже, ещё больнее. Ещё, ещё, ещё... – до невозможности. Кажется, что часть меня уже сгнила, а другая часть начинает загнивать. И вот ожидаешь, как одна часть за другой будет загнивать – и весь сгниёшь, как вырванное с корнем растение – ещё до того, как в гроб положат. У-вм-м, да... Я знаю – осуждаете меня за малодушие. А что делать – больно. Здоровый не может понять тяжело больного. Вам кажется – мудрый совет даёте, от беды спасаете... А тут... Не хотел я вас этим грузить. Извините – вырвалось.

– Не осуждаю я тебя, что ты! Дело не в панацее, не использованы ещё все возможности! Костя... ну перестань, оставь мысли о самоубийстве!

– Будет вам беспокоиться, Илья Вадимович! Да ничего... Нормально всё... Только вот болит постоянно... О-у-в... гх... ой-йо-о-о. Спасибо за моральную поддержку... Спать мне пора, извините... До свидания!

– Пока, Костя! Извини, что ночью, но не мог иначе. Держись – вытянем тебя! Пока!

Разговор подействовал на меня удручающе. Ничего убедительного ему не сказал, словно только сотрясал воздух. Очень неприятное ощущение собственного бессилия... Да и устал я немного от копания в источниках СМИ. Нет, ничего больше не буду сегодня читать. Мой мозговой компьютер уже не переваривает обилие разнощёрстной информации и излияний тяжёлых переживаний. Надо спокойно всё обдумать, отрефлексировать, обмозговать... И... тогда уже можно будет что-то решать. А ночью природа за окном удивительно безмолвна: она сосредоточена на внимании того, кто наблюдает за её изменениями, словно приглашает к диалогу, но не спрашивает, нравится ли она, а демонстрирует себя, меняя имидж, подбирая новые аксессуары, капризно примеряя то дин наряд, то другой, вяло жестикулируя направлением ветра. Какое-то напряжённое безмолвие... Сейчас она задумчива, и в этой зашифрованной меланхолии, заторможенности, лёгкой мечтательности с чуткой оглядкой на реакцию своих созданий, скрытности и боязни обнажить нечто сокровенное, погружённое в память времён, несомненно, трогательна и обаятельна.

И всё же я на ночь глядя опять взял в руки книжку – стал перечитывать рассказы Фёдора Сологуба. Уже который раз – «Жало смерти – грех». Не раз я восхищался изящным стилем создания мрачных образов: мысли и слова мальчишек из этого рассказа причудливо переплетались с описаниями природы, воздействовали ядовито-манящими чарами. Сюжет незамысловат, но интересен. Слабовольный, воспитанный в любви и ласке, легко внушаемый и неискушённый в жизни мальчик поддался влиянию хитрого и озлобленного сорванца, который сначала задумал в отместку за порку погубить приятеля, соблазнив мечтаниями о красоте смерти, а потом сам стал верить в собственные вымыслы – так что оба утопились, прыгнув с обрыва. Но описание, магия слов, тонкие психологические наблюдения, как воровски похищенная живая душа заменялась холодной «русалочьей душой», а многообразие ощущений вытесняла тоскливая скука; желание испытать неизведанное, стать по-настоящему свободным выдавливало земные чувства, а мысли, отравленные табаком и вином, всё отчётливее заманивали в капкан смерти – это производило сильное впечатление:

«И всё забвеннее становилась для него природа, и всё желаннее и милее смерть, утешительная, спокойная, смиряющая всякую земную печаль и тревогу. Она освобождает, и обещания её навеки неизменны. Нет на земле подруги более верной и нежной, чем смерть. И если страшно людям имя смерти, то не знают они, что она-то и есть истинная и вечная, навеки неизменная жизнь. Иной образ бытия обещает она – и не обманет. Уж она-то не обманет.»

И мечтать о ней сладостно. И кто сказал, что мечтания о ней жестоки? Сладостно мечтать о ней, подруге верной, далёкой, но всегда близкой.

И не всё ли на этой земле равно неверно и призрачно? Ничего нет здесь истинного, только мимолетные тени населяют этот изменчивый и быстро исчезающий в безбрежном забвении мир».

Я и не заметил, как строки стали расплываться, превращаясь в загадочные арабески, печатавшиеся на рыхлой ткани моих мыслей. Буквы перетекали в звучания слов, а слова обретали силу образов. Я уснул, полулёжа на диване – и в очередной раз забыл выключить свет.

Сон. Ира и демон

Ей – четырнадцать, мне – восемнадцать. Мы проходили по извилистой тропке лагеря отдыха. Вдали утомлённо плескалась одетая в пенные кружева и подтянутая в изгибах глинистых берегов, припудренных у краёв воды слоями песка, речка Сувроць. В перехлёстах влажных медузообразных тел песчаные насыпи напоздали друг на друга, а травяной ковёр, выстланный на пологих холмах, демонстрировал в цветочных узорах пышность и многоцветие летнего растительного покрова. Мелькали наряды розового клевера, выглядывали синеокие васильки и колокольчики, жестикулировал колючими листьями чертополох... Солнце светило ярко, очень ярко, как бывает в предгрозовом томлении, в изматывающей летней опрелости. Моя спутница шла неторопливой и лёгкой походкой.

Я ещё не видел более очаровательного создания. Эта девочка соединяла в себе одуванчиковую нежность, притягательную первозданность, гибкость и хрупкость точёно-статуэточной фигуры и искусно выстроенную грацию, статность, священное благородство олимпийских кумиров – маленьких мойр и нимф. Все телесные очертания её смыкались в лепестково-изящные формы, как будто это был знак, символ извечной красоты ранней юности, притягательной девственности – код, запускающий фонтанирующий механизм излияния самых разнообразных чувств от душевного трепета и волнения до страстного желания обладать, обнимать, приникать к каждому изгибу этого сакрального слитка, наполненного живой кровью и плотью.

Подлинно женское обаяние в девочке-подростке притягивало и одновременно пугало. Подчёркнуто длинная шея, строгая пластика плеч, малозаметная и набухающая шаровидными холмиками грудь, стройный стан, удивительно тонкая талия, обвязанная узким пояском, пластичные бёдра, обретшие конусовидные очертания и начинающие наливать спелыми округлостями (и ни на йоту лишней полноты!) – всё в ней было сложено гармонично, ясно, отмечено триумфом дивной божественной красоты и сладострастным огнём дьявольских чар. Эта красота была совершенно особого, индивидуального свойства. Выпрямленные дуги бровей контрастировали с классически завершённым и заострённым книзу овалом лица. Очертания тонких губ напоминали остроконечной формой крылья амадин. В разрезе глаз было что-то эллинское – и европейское, и восточно-азиатское, и открытое, и раскосое, окрыляющее, вдохновенное. Взгляд её карих глаз – пронзительный, прожигаящий, со снайперской точностью проникающий в самые сокровенные уголки души, просвечивающий как рентгеном тайные смыслы вещей и туманные движения мыслей. При каждом повороте её головы в мою сторону я машинально вздрагивал. Контуры крыльев носа, чуточку раздутые в спиральных изгибах, показывали некоторую раздражительность, казалось, даже скрытую брезгливость. Лицо её было горделиво-спокойным, а иногда его озаряла обаятельнейшая улыбка – немного натянутая и по-детски лукавая, как будто она по-доброму, без издёвок, незаметно насмеялась над моей очарованностью ею.

Светло-голубое с жемчужными переливами небо, рябая поверхность воды, широко разросшаяся трава, полнокровно насыщенная хлорофиллом листва то неистово вспыхивали, искрясь в серебристых бликах, то мягко тлели, накрываясь прозрачными тенями от раздутых пушинок редких облаков.

Солнечный свет, проникая в тонкую структуру ткани капронового платья, оттенял в стробоскопии движений серийную череду изящных и эротически притягательных силуэтов. Во всём её облике было что-то готическое, неприкасаемо гордое, до предела утончённое, грандиозное и возвышенное. И узоры на платье мерцали, как стёкла витража готического собора, в веерных сборках складок переливаясь загадочным калейдоскопом интенсивных бордовых, пурпурных, ультрамариново-синих, ярких белёсо-молочных, золотистых и огненно-оранжевых

цветов. На её ногах – белые носочки, а обута она была в открытые, отливающие гляncем карминовые туфельки с вырезом спереди у подъёма стопы и у пятки так, что крестообразно пересекались два ремешка. Передвигалась она настолько живо и легко, что казалось – она не ступает по земле, а лишь касается её маленькими каблукочками, движимая летним ветерком, как парусный кораблик. Тёмного, кремово-шоколадного, цвета с аккуратно выровненной чёлкой волосы, собранные цельными объёмами цветка колокольчика, перебирал, играя, свежий ветерок; и солнечный свет золотистыми бликами проносился по изгибам прядей.

Я осознавал, что эта маленькая красавица вызывала во мне два противоположных чувства, два несовместимых отклика: благоговейный трепет (мысленно я готов был разорвать любого – даже самого себя – кто позволит себе прикоснуться к этому шедевру пластики с тёплым живым дыханием, к нежному бархатистому детскому телу) и грязную неотвязную похоть, от чего меня словно лихорадило и бросало в дрожь.

Эту девочку – юную девушку звали Ирой. Бывает, что стоит только посмотреть на человека – и сразу угадываешь имя. Ей шло сочетание этих двух гласных и одной согласной букв. И – идеал изумительного изящества, игра интеллекта и интуитивные идеи изменений, Р – ропот ручья и роскошь роици, А – агония абсолюта. Она проходила – как пела, не произнося ни единого звука. И эта стройно нарастающая в экстазе, воображаемая мелодия её движений напомнила мне вокализ Рахманинова, где были слиты воедино в наплыве напористо вздымающихся ввысь звуков проникновенного пения восточные и древние славянские мотивы. В её облике была такая притягательная сила заново сочинённых по спутанным следам памяти поколений и поведанных судьбой сказок и преданий, что представлялось – вот-вот произойдёт какое-то волшебное действие. Но ничего не происходило: не было таинственных перемещений в фантастическую страну, где в ином измерении она предстала бы маленькой прорицательницей, владеющей секретами колдовства; яркокрылые бабочки не превращались в парящих эльфов, корявые пни – в гадких троллей, а прошмыгнувшая в лопухах ящерица – в хранильницу подземных сокровищ.

Ира могла подолгу молчать, наблюдая мою реакцию. Потом о каких-то пустяках непринуждённо завязывался разговор. И непонятно, как это случилось: то ли я сначала невпопад о чём-то её спрашивал; то ли она, моментом развязывая туго затянутые мной узлы задумчивого молчания (в нескромном разглядывании и замороженном созерцании её лица и фигуры), сообщала мне о себе, о своих воспоминаниях, впечатлениях и переживаниях, связанных с семьёй, с новыми интересами, с обстановкой в лагере отдыха, с подругами и друзьями, со знойной летней природой... В этом диалоге иногда пересекались наши взгляды – мой, в котором читалась неумелая попытка скрыть страстное влечение, и её – сосредоточенный, чарующий. Она подлавливала мой взгляд, искоса поглядывая на меня, спокойно и изучающе, со скрытой ироничной усмешкой, с благородным великодушием победителя – и я тут же в смущении, как застигнутый врасплох ворюшка, отводил свой примагниченный к её прелестьям взор.

Мы прошли очень далеко вглубь леса, пробираясь от одной освещённой поляны к другой. Крупные ярко-зелёные пятна под дирижированием солнечного света нежно вальсировали на сочной траве. О чём-то шептались коренастые дубы с кокетливыми липами. Я почему-то, разоткровенничавшись, завёл разговор о тех мистических переживаниях, которые меня беспокоили в последнее время:

«Ира, ты знаешь, я стал ощущать в себе какие-то скрытые силы, о которых раньше не подозревал, какую-то энергию борьбы и протеста. Мне иногда кажется, что природа разговаривает со мной тоненькими голосами шепчущих лесную песню новорожденных трав или гулким басом многолетних дубов и сосен, что солнце начинает светить ярче, лишь стоит мне минуту на него неотрывно смотреть, пока не замигает в глазах ярко-синее пятно, коронованное неистовыми вспышками белых лучей. Мне кажется, что я могу повелевать движе-

нием облаков и приказывать ветрам, что течение реки становится послушным моей воле, что одной лишь мыслью могу вызывать дождь или град, останавливать или ускорять падение камней. Но я не знаю, для чего и зачем мне это дано. Я хочу многое понять, но чувствую, что наградившие меня этим даром отняли у меня способность понимать его предназначение. Я задаюсь мысленно этим вопросом постоянно, я думаю об этом – так хочу узнать, как это всё можно применить, как с этим жить, что с этим делать? Но не могу получить ответ на свой вопрос – он завис между двух миров, просто застрял в непреодолимых стенах, ограничивающих пространство, втиснутое в ячейки времени. И меня не слышат или не хотят слышать там – за пределами этого мира. Как бы я хотел узнать... понять, кто я и что я в этой жизни. Но я не могу даже приблизиться к разгадке. Я постоянно чувствую нарастающую силу сопротивления...»

Ира во время моего рассказа сначала хитровато улыбалась, когда не получалось делать вид, что серьёзно слушает меня. Она выслушивала меня как человека, желающего произвести впечатление, грубо запудривая мозги бахвальством и рассказами о своих сверхчеловеческих, демонических способностях супермена. Потом она откровенно скептически пристально смотрела мне в глаза, как бы уличая меня своим магнетическим рентгеновским взором. А в конце не выдержала – рассмеялась звонким, залихватистым открытым смехом, так что уже не могла остановиться.

«Ира, перестань! Я понимаю: ты мне не веришь. Ну правильно – в это сложно поверить. Я и сам себе не верю... Ира, ну хватит! Хватит! (Она заливалась смехом всё громче). Да хватит же! Посмотри – над нами сейчас проплывает большое облако. А я хочу видеть солнце (я говорил сквозь её непрекращающиеся „а-ха-ха!“; она меня больше не слушала). Я очень хочу его увидеть! Я хочу разомкнуть пределы этого мира, понимаешь?! Разомкнуть, преодолеть все преграды, всё перевернуть вверх дном, пока не раскопаю истину!»

Я поднял вверх голову. И вдруг я будто бы вошёл зрительным лучом в неуклюже проплывающее расплюснутым и плоскотельным дирижаблем, запланированным транзитом по лазерным небесным склонам, облако. Оно как будто бы тоже высокомерно посмотрело на меня, нахохлившись и тучно подбоченившись, но, не прерывая движения и не сворачивая с намеченного пути. И тогда я крикнул: «Небо, разверзись!». Стал кричать ещё и ещё, как будто пулёмётная очередь криков сотрясала небо. Я вошёл в раж, и меня уже невозможно было остановить. Этот крик звучал, не переставая, всё сильнее и сильнее. Он всколыхнул всё вокруг. Оживлённо переговаривающиеся между собой деревья тут же замолчали и нервно задёргали ветвями, листья на них суетливо затрепетали. Пышное облако стало расслаиваться, и цвет неба резко изменился: оно помутнело, почернело, приобрело свинцово-лиловый окрас, а облако уже распласталось рваными заплатками по всей поверхности неба. На реке возникла дребезжащая рябь, злое свечившаяся на поверхности цвета индиго. Трава испуганно прижалась к земле под давлением ветра. Послышались первые раскаты грома. Казалось, что небесное покрытие дало какую-то трещину. С облаков стала осыпаться штукатурка, при приближении к земле превращавшаяся в дождь и град.

Ира перестала смеяться, сразу же смутившись, искоса взглянула на меня, посмотрела, чуть насупившись – боязливо и недоумевая, а затем бросилась наутёк в сторону реки. И готически стройный силуэт её фигуры быстро растаял между сдвинувшимися кронами деревьев.

А крик звучал всё сильнее: «Небо разверзись, разверзись! Небо разверзись!!!»

И это был уже душераздирающий вопль, продолжавший пробивать ватную ткань облаков, обернувшись пухлыми тучами.

Крик потрошил плотную атмосферу, сотрясая гранатово-аспидную мозаику почерневшего небесного свода. Ор пробивался всё выше и выше, осеменяя пространство мириадами невыносимо-оглушительных и сокрушительных звуков, пока не воспламенились рваные края пробоины в сцене одутловатых туч.

Крик, метнувшийся над землёй люминесцентным свечением шаровой молнии, разбрасывающей в стороны снопы электрических разрядов.

Крик, бурной зыбью встревоживший зеркальную гладь речной воды, возмутивший дно и изливающийся фонтанами гейзеров.

Крик, плетью грозových свистов раскroивший идилическое полотно летнего вечера. Он мчался безостановочно, бешено, напористо, сопровождаемый перекрёстными ритмами эха, перешедшего в громовые раскаты, фантастически обгоняя скоростью звука скорость света.

Крик, пронёсшийся над землёй неотвратимым предвестием Армагеддона и подпрыгивающий к небесам подобно апокалипсическому всаднику.

Крик, судорожно раздроблённый на осколки шумов и созвучий.

Крик, буйно разгоняющий летящие стаи небесных птиц, сбивающий их с курса полёта и заставляющий в диком штопоре сваливаться на землю, ломая беспомощные крылья.

Крик, раскалённый добела непрерывно нарастающим сверхмощным напряжением гор- танных струн.

Сноп света из-за расщелины туч электрическим разрядом поразил меня в грудь – я упал без дыхания. Но крик не переставал звучать. Он как будто самовоспроизводился, поднимаясь всё выше и выше.

Крик, ярким сполохом небес расплескавшийся вдали.

Крик – непокорный, страстный и мучительный.

Крик – пламенный, смятенный, лихой.

Он раздавался, не прекращаясь, безостановочно, сопровождаясь запыхавшимся эхом и прорезая путь к вершине небесной выси.

Стремительный, мятежный, неукротимый крик:

«Небо разверзлись!!!»

VI

Я проснулся в холодном поту, с одышкой, как бы компенсируя потерю дыхания во сне. Измерил температуру – лишь чуточку повышенная. А состояние такое, как только что из комы вышел. Впечатления сна встревожили меня: какая-то коллоидная смесь отголосков воспоминаний юности и дикой, необузданной фантазии.

Сегодня с утра надо было срочно заскочить в офис редакции, а потом – на выставку фантазийных графических работ в Дом архитектора. Посмотрел в окно – яркое солнце. Надо бы торопиться... Привычными движениями побрился, быстро оделся в деловой костюм, наспех собрался и побежал к остановке.

Только вышел во двор — на меня, как из рукомоиника, вылился освежающий поток света, ярко осветившего небо и продолжающегося выливаться на асфальт. Город жил своей жизнью типовых построек с рекламными щитами, баннерами, аляповатыми вывесками, закоулками дворов, вычерченными ломаными линиями путаных зигзагов; навязчивыми дорожными указателями; идолоподобными бетонными столбами, выкрашенными внизу в бело-красную сигнальную полосу. Белый наряд окраски низа ствола как по моде у них переняли равномерно высаженные на газонах вдоль обочин дорог приветливые деревья, окружённые стриженными кустами. Алюминиевыми анакондами выползали цилиндрические тела крупных труб, обвивающих здания, протянувшихся по земле и образующих п-образные арки. Возле домов тьякали и залиvisto лаяли цепляющиеся друг к другу бездомные псы. В оживлённом многоголосье щебетали птицы...

Я легко пробежал, а затем прошёл быстрым шагом возле рваной череды дряхлых деревянных сараев с покосившимися и потрескавшимися досками, обвисшими квёлыми крышами, в некоторых местах обшитыми ржавой жестью. На верёвке между металлическими стойками сушились выстиранные ткани — синие скатерти, на которых резвились нарисованные дельфины, и красные простыни с растительным орнаментом. Рядом – ветхие низкорослые каменные дома. Выпяченные вверху мансардные окна гордо смотрелись в тарелки телеантенн. На окнах цоколя и первого этажа – защитные решётки, линейный узор которых напоминал детский рисунок солнышка в углу. Акварельные пятна резной листвы накрывали друг друга, втекали друг в друга, горели на свету и вбирали лазурь неба в тени. У стен домов в немом полилоге стояли легковые автомобили. Вот две машины повернулись друг к другу, три другие отстранились, ещё одна наползла на газон, а один спесивый Ауди гордо обособился от остальных. Близ пустыря кто-то пьянствовал. Слева от меня по тротуару прошла молодая парочка. Под моими ногами проплыла написанная белой краской на асфальте надпись: «Дашуля! Спасибо тебе, что ты есть у меня!». Нечто подобное заметил и на белокаменном заборе, только чёрным цветом: «Диана, я тебя люблю!» (были и другие надписи – явно неприличные, их старался не замечать). Чем ближе к проспекту, тем отчётливей слышался уличный шум и гам. У крыльца шуточным выкриком: «Стоять! Кто идёт?!» остановил меня знакомый старик. В его глазах я заметил студенистый блеск. Поздоровавшись, как обычно, он потеревил меня за плечо, указывая на траву, где валялся убитый котёнок.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.